

Весельницкая Ева – Не женское это дело

Наш ответ Кастанеде или Если бы Ла Горда написала книгу

Вкус райских фруктов, ветер другого времени, аромат другой жизни – порой нам кажется, что мы пробовали и чувствовали, видели их. Это так знакомо нам. Причастность – это когда *один на один с книгой* и быть *один на один с собой* во время чтения ее. Быть причастным, значит иметь возможность прикоснуться к интересному, динамичному, пестрому повествованию автора. Философия, психология, энергия тонко переплелись с сюжетом, с чьей-то другой жизнью. Безымянный роман даст волю воображению, фантазия заведет вглубь, а уж там автор покажет самую суть.

Ева Весельницкая.

«Не женское это дело...» Первая попытка в художественной форме рассказать о пути, ученичестве и людях, которые выбрали так жить в наше время и не за горами и океанами, а здесь, среди нас
2006

ЕВА ВЕСЕЛЬНИЦКАЯ «НЕ ЖЕНСКОЕ ЭТО ДЕЛО...»

ВСТУПЛЕНИЕ

*Правильность места и времени
часами и картой не определяется.
мудрость*

Он не пел по утрам в клозете. Он просыпался долго, медленно возвращаясь из одного мира в другой, стараясь не разорвать связь между ними. Ни один из миров не казался ему лучше другого. В одном рождались вопросы, в другом жили ответы. Ему нравились оба.

Он был молод, интересен и свободен. Он не был бездельником, но все его занятия каким-то непостижимым образом оказывались частью его свободы. Он поздно познакомился со своей

сексуальностью и, вопреки расхожему мнению, она так никогда и не заняла ведущего места в его жизни. Секс присутствовал наряду со многими другими прекрасными вещами, но, также как и они, никогда не мог затмить главного наслаждения его жизни — наслаждения глубокого, неспешного общения с людьми.

Траектория его жизни не определялась чем-либо внешним.

Он не любил ярких женщин. Она не любила заметных, неординарных мужчин. Сейчас, по прошествии стольких лет, она с изумлением обнаруживала, каким сложным узором сцеплялись события, которые в конце концов привели к их встрече. Они долгие годы жили на одной улице, но никогда не встречались. Они учились в одной школе, но не запомнили друг друга. Их матери ходили в одни и те же магазины за хлебом и молоком, но не были знакомы. Через много лет, когда знакомство уже состоялось, она вспомнила, что видела его на сцене, играющим в спектаклях собственной постановки. Когда же они, наконец, встретились, она думала, что ей уже нечего терять, а он уже знал, что обрел то, что потерять невозможно.

Она всегда ощущала себя двуликой. Хрупкая, стеснительная, молчаливая, с неброской внешностью, столь характерной для Питера, она всегда скорее выбрала бы тишину и книги, чем шум и толпу. Такой она была для себя.

Яркая запоминающаяся внешность, легкость в общении, несомненная обаятельность и некоторая избыточность во всем — такой знали и видели ее другие.

Сколько она себя помнила — эта двуликость забирала у нее много сил, иногда их не хватало и тогда то одна, то другая врываются в жизнь друг друга, путая ее саму, пугая окружающих, толкая на неожиданные поступки и рождая странные чувства, создавая иллюзии и разрушая хрупкие ростки подлинности.

Это было давно, когда она думала, что время праздновать еще не наступило.

Он ездил на это место много лет подряд. Сначала на электричке с отчимом, потом один, когда все на той же электричке, когда стопом, теперь на шикарной машине. Но по существу в его поездках ничего не менялось уже многие годы с того самого раза, как он понял, что магия этого места не в потрясающей рыбалке, не в реликтовой красоте озера, скал и сосен, и даже не в столь ценимой им неприкосновенной тишине. Это было единственное известное ему место, где два мира, в которых он жил, соединялись. Здесь находилась точка их соприкосновения, и не было у него другого способа сохранить себя в обоих этих мирах, кроме как время от времени приезжать сюда.

Это было место, где встречались и исчезали друг в друге вопросы и ответы.

Она всегда любила аэропорты и вокзалы. Такая вот банальность. Может быть, потому что житейскую самостоятельность она получила очень поздно, и возможность уехать, оторваться от привычной жизни была вымечтана и иногда казалась вообще невозможной. Теперь, если позволяла ситуация, она приезжала на вокзал или в аэропорт заранее, чтобы побродить по залу ожидания, поглазеть на лотки и киоски, купить, что-нибудь совершенно необязательное, ритуально выпить кофе, а главное, посмотреть на людей.

Путешествие, даже небольшое — это всегда пауза. Человек уже оторвался от одного места и не прибыл в другое, рвется привычный ритм, становится не важным то, без чего только что казалось не обойтись и, может быть, этим объясняется легкость знакомств и философичность настроений так свойственных путешествующим.

«Внимание! Граждане пассажиры, начинается регистрация на рейс номер...»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Она никогда не брала попутчиков. Что ее толкнуло? Остановилась прежде, чем успела не только подумать, но и удивиться. Им было по дороге. Женщина говорила с легким акцентом. Прибалтийским? Одета просто, но не ординарно. Куртка, но не такая как у всех. Джинсы, грубоватые ботинки, длинные прямые волосы, но все как-то

чуть-чуть иначе, чем обычно. Некоторая суетность? Скорее изящная женская несобранность.

И еще, она о чем-то все время говорила.

— Понимаете в этом городе такое странное пространство. Меня все время как бы водит, я уже очень опаздываю, они привыкли, но нельзя же ломать течение, вы точно знаете место, куда мне надо? Наверное, я, наконец, попала в правильный поток. Не обращайтесь на меня внимание, я после работы всегда еще некоторое время не могу опуститься.

Мы приехали, вам сюда.

А что разве вы не пойдете со мной?

И она пошла.

Квартира была ожидаемо странной. В ней то ли собирались делать ремонт, то ли не успели его закончить, а может, это и был ее постоянный вид. Длинный коридор, множество дверей. Попутчица растворилась где-то в глубине этого лабиринта. А она неспешно двинулась по коридору, в первой же комнате с голыми стенами и мебелью, похожей на наши представления о деревне, высокая женщина, одетая в стиле киношных хиппи: домотканая юбка, блузка с ручной вышивкой, прямые распущенные волосы, схваченные плетеной лентой, многочисленные пестрые фенички, сидела за ткацким станком. Она молча остановилась, женщина продолжала ткать. Молчание затягивалось. Раздался странный, топочущий звук, и в комнату впрыгнуло какое-то животное. О боже, да это же заяц!

— Не пугайтесь — это заяц, — наконец заговорила хозяйка. Заяц присел у станка.

— Хотите чаю, — раздался мягкий, вкрадчивый голос за спиной. В дверях стоял мужчина неясного возраста, лысоватый, с приятными мелкими чертами лица и обаятельной улыбкой.

— В этом доме надо действовать самостоятельно, а то с голоду можно умереть. Это вас Сказочница привела? Вы оказались в нужном месте в нужное время, это всегда хорошо. Пойдемте.

Она молча пошла за ним. Движения его были такими же мягкими и чуть вкрадчивыми, как и его голос. «Каратэ, у-шу?» — мелькнуло в

голове.

— Каратэ, — не оборачиваясь, подтвердил он.

Они прошли мимо комнаты, в которой беседовали несколько человек: длинные волосы, небрежная одежда, на столе разномастные кружки, полные окурков пепельницы, дым коромыслом.

— Постижение и преображение без практики невозможно. Я устал это повторять. Никто не говорит, чтобы ты сидел, скрестив ноги, на коврик. Практикуй, молись, делай что хочешь, и пусть это будет твоя практика, какая разница: торгуй, читай, люби жену, да делай ты что угодно, но пусть это будет практика. Тебе, что нужно, чтобы все видели: Ах, не мешайте, он медитирует!

Она чуть задержалась, чтобы дослушать. Говоривший, стоял спиной к дверям, и она увидела только довольно высокую, очень изящную фигуру с прямыми развернутыми плечами исполнителя испанских танцев, в традиционно небрежном растянутом свитере домашней вязки и заплетенными в косу длинными волосами. Тембр голоса был красив, но тон, которым была произнесена эта отповедь, показался ей излишне назидательным.

«Просто Овод, какой-то» — пронеслось сравнение, но в этот момент уже знакомый мягкий голос окликнул ее:

— Да оставьте вы их, он говорит это всегда, еще успеете послушаться.

Ее попутчица, которую называли Сказочница, сидела на кухне с огромной кружкой кофе.

Гри, ты золото.

Сказочница говорила быстро, обо всем сразу. Нить разговора отсутствовала, но прерывать ее или уйти не хотелось. Это было как музыка, как журчание воды, как теплый летний дождь.

Постепенно, проголодавшиеся от умных разговоров обитатели квартиры, начали перемещаться на кухню. Они что-то жевали, пили все тот же обязательный крепкий чай и кофе.

«Да они ждут кого-то», — подумала она. Напряжение поднималось волной и сникало при каждом звонке в дверь. После

очередного звонка волна эта опять поднялась, но не сникла. Все как-то подтянулись, понадевали на лица у кого, что было под рукой, и нарочитость их естественности обнажилась.

Почему такая напряженка?

В комнату вошел довольно высокий крупный мужчина повадкой похожий на просвещенного купца средней руки, какими привыкли мы видеть их на сцене и в кино. Этаким вальяжный Рогожин. Манеры свободные уверенные, взгляд внимательный, с хитроватым прищуром. Вошедший обладал несомненным обаянием и той редкой способностью, когда кажется, что его взгляд и слова, предназначенные всем, предназначены именно тебе.

— Вроде звали, так почему напряженка?

Все как-то враз заговорили, также враз неловко смолкли.

— Ты опоздала, тебе уже дней десять как надо было здесь быть, обратился он внезапно к ней. И тут же про нее забыл.

— Ну, что начнем?

Он закурил, взял предложенный чай.

— Пока вы боитесь людей, дорогие мои, ничто не имеет значения. Мы сделаны из людей — родственников, знакомых, случайных попутчиков, литературных героев, исторических персонажей. Ответ на мой риторический вопрос проще пареной репы. Кстати, кто-нибудь из вас ел пареную репу? Я — нет. А говорят она проще всего. Некоторые из вас знают, кто я, некоторые слышали, что я Мастер. Вас так напугал мой средний брат Ошо? «Мастер — это смерть». Умел братец сказать. Я просто зеркало. Помните, как в детстве мама к зеркалу подносила и говорила: «Смотри — это ты». Вот и я говорю: смотрите — это вы.

То, что началось, кончилось только к утру. Мозги не ворочались, языки не слушались, глаза слипались. И тут он снова вспомнил про нее:

— Ты, говорят, на машине? Отвезешь? И, не оборачиваясь, пошел к выходу.

— Ну, привет, привет. Заговорил он уже в машине, пока она, не спеша закуривала, — Тяжело досталось?

— Легче, чем ожидала. Пришлось всего два раза объехать квартал, пока Сказочница меня остановила. Слушай, но от нее-то, зачем скрывать? Может нам-то уже пора встретиться?

— Рано.

Рано, так рано. Ты Мастер, тебе виднее.

Ладно, ладно, молодец. Никто там тебя так и не увидел.

— Мне показалось, что Гри в какой-то момент что-то учуял, но обошлось.

— Да, Гри посерьезней остальных. Завтра постарайся опоздать. Поехали. Отдохнуть тоже иногда надо.

Я соскучилась, ты-то как

— *Не волнуйся, все нормально*

— *Как там правая рука поживает?*

— *Мы же договорились: левая — не ведает, что творит правая и наоборот.*

— *Вообще-то это принято считать бестолковостью.*

— У них толковый хозяин или ты не согласна? — это он сказал вслух.

Когда она пришла на завтра, по кругу, несомненно, шла уже не первая чаша.

Дымно, шумно, пьяно. Все сидели в кругу на полу. Она тихо вошла и примостилась у стены, на нее никто не обратил внимания. На скатерти в центре круга — разномастные бутылки, полные и начатые, денежные купюры, какие-то украшения, посередине — огромное блюдо с недоеденным пловом, который неумело подражая востоку, коренные горожане, воспитанные в европейской культуре пытались есть руками, пачкаясь и рассыпая ароматный янтарный рис.

Народ млел от экзотики и ерзал от неумения сидеть на полу.

Шейх, как положено, сидел в центре. Странная одежда, какие-то амулеты на шее, капли пота на лбу. Он точными, подчеркнута аккуратными движениями подбирал рассыпанный рис, ни на мгновение не выпуская из вида чашу, которую все, кто сидел в кругу

передавали друг другу, отпивая кто сколько мог и хотел и повторяя с разной степенью искренности одну и ту же фразу: «Здоровья и счастья всем друзьям».

Чаша тем временем обошла круг и вернулась к шейху. Все примолкли — в ней осталась добрая треть. Он посмотрел на чашу, на людей в кругу и глубоким, ясным голосом, от которого вибрация прошла по всей комнате и проникла в каждого, произнес: «За Школу. Здоровья и счастья всем друзьям». Она не увидела, как он выпил. Пространство сменилось.

Столп огня, выросший ниоткуда и уходящий в никуда, горел ровно и неколебимо, к нему слетались и в нем исчезали какие-то дымы, клочья копоти и обрывки тумана. Вокруг столпа плавно вращался огненный круг, пламя его было другим, неровным, то желтым, то красным, оно то вспыхивало, то почти гасло. Вдруг столп белого огня расширился и вобрал в себя весь круг, несколько мгновений в нем что-то происходило, пламя колебалось, возникли отдельные языки, потом все выровнялось, и не было уже ничего кроме гудящего ровного пламени.

— ...Вы думаете так просто сидеть на вас глядеть? «Сидеть и думать про себя...» Это очень похоже на вокзал — все ждут поезда. А поезд-то уже ушел.

Она вынуждена была признаться, что так очаровалась процессами второго уровня, что напрочь потеряла первый, и не слышала, с чего начался разговор.

— Может, кто вопрос хотел задать?

— А что ты от нас ожидаешь?

— Ничего, совершенно ничего.

Когда человек не может освободиться от думания о себе, он видит мир в тени себя самого и называет это мраком Мира. Сумасшедший должен быть веселым, иначе он просто больной.

Однажды Мастер Юллу насобирав подаяния особенно удачно и вечером демонстративно пошел в кабак, устроил там большой дебош. Пьянка, гулянка, танцовщицы, деньги танцовщицам в

положенные места распахивает. Возмутились правоверные. Быстро разнеслась весть по городу, собралась большая толпа у ресторана. Он выходит, песни поет. Избили его, измолотили страшно, бросили в арык и, довольные, разошлись. Думали, умер.

Утром приходят на базар, а он там танцует.

Он очень красиво танцевал.

Шейх взял чашу, не выбирая, налил из ближайшей бутылки, и с теми же неизменными словами пустил ее по кругу.

Она не заметно вышла на кухню, но замерла в дверях: там разговаривали.

— Почему я должна все это терпеть в моем доме? Хватит, что я зарабатываю на то, чтобы вся эта орава могла есть, пить и рассказывать мне как «много я теряю, погружившись в социум», — женщина кого-то цитировала и передразнивала. — И эта пьянка у вас называется духовной практикой. Какой он шейх? Что я его первый раз вижу? Это просто какой-то театр для дураков!

— Может, ты все-таки успокоишься и посмотришь, — она узнала характерный голос Гри, который, беседуя, проявлял чудеса, чтобы одновременно ни на секунду не покинуть Круг. — Пока ты верила, вопросов не возникало, когда закрывается сердце, глаза видят только маску.

Я устала.

За спиной раздался шорох, потом что-то упало, потом раздалось невнятное бормотание. Она обернулась. Сказочница, как видно, только вошла, успела что-то уронить и теперь пыталась это найти, подняла глаза и сразу же заговорила в своей обычной манере:

— Согласись, самый приятный способ себя жалеть — это ранней осенью, в дождь сесть в машину и ехать, куда глаза глядят, но чтобы обязательно лесная дорога, и мокрый асфальт, и желтые листья на нем, и плохо видно, и непонятно то ли от слез, то ли от дождя, а потом свернуть к заливу, открыть дверцу и так сидеть под шорох дождя, шелест деревьев и плеск волн...

— Соглашусь. «Чудеса как трава под колеса машины...»

— Тогда до встречи. Я жду тебя у нас.

— Мне ехать? Сказочница зовет меня к себе.

— Поезжай. Знакомься, слушай, смотри. Я скоро и сам туда собираюсь. Найди возможность задержаться до моего приезда.

Огненный круг продолжал вращаться, в причудливо вьющихся языках пламени виделись лесистые горы, морское побережье, лесное озеро, большой город. Круг манил, огонь пугал и притягивал.

Она шагнула. «В огне не горит только огонь».

«Счастливо умереть», — сказал Мастер на прощание, когда она по его совету за одни сутки оставила всю свою предыдущую жизнь, и отправилась в края совершенно неведомые без сожаления и страха, в сильном волнении и без надежд. Рада бы надеяться, да непонятно было на что.

Старик в чалме, халате и верхом на осле на фоне глинобитной стены, за которой виднелись невысокие купола — это все, что она помнила долгое время о своих первых минутах в Средней Азии. Нет, не все, еще она отчетливо помнила зной и блеклое, как будто много раз стираное небо. Как она выбралась на трассу, как голосовала, как договаривалась с водителем КаМАЗа, она вспомнила уже значительно позже. Из странного и не свойственного ей полужабытья вывела огромная надпись, выложенная белыми камешками на откосе дороги: «Верным путем идете, товарищи!». Это было так нелепо, так неожиданно и так смешно, что она мгновенно пришла в себя и всю оставшуюся дорогу, пост ГАИ и деревню, дом и двор, куда она, наконец, добралась, запомнила сразу в мельчайших подробностях и навсегда.

Хозяина дома не было. И вообще никого в доме не было. Правда, если бы ей не описали так подробно всю дорогу от поста ГАИ до нужного ей дома, она вообще не поняла, что это жилой дом. Вдоль деревенской улицы тянулись высокие заборы с калитками, некоторые с высокими воротами, украшенными затейливой резьбой, а здесь только мостки из шатких досок через арык, узкий проход

между высокими незнакомой породы деревьями и пустой двор. Железная печка посреди двора, сундук, гора одеял и настил под навесом дома, похожим на полузаброшенный сарай. И одна совершенно удивительная деталь: рядом с печкой в изящном изогнутом сосуде стоял большой букет уже увядающих полевых цветов, составленный умело и продуманно. (Она тогда еще не умела «видеть» или эту способность лучше назвать «чувствованием»? И долго удивлялась этой детали, пока Тень Великого Мастера не объяснил ей, что незадолго до ее приезда здесь была женщина по имени Сказочница и это ее знак.)

Она огляделась. Память навсегда сохранила тишину и любопытные личики чумазых, загорелых бритоголовых ребятишек, не решавшихся подходить близко к не совсем обычному дому. Она опустила на раскаленный камень на самом солнцепеке и стала ждать. Тишина становилась все более плотной.

«Я дома, дома».

С тех пор прошло столько всего: лет, жизней, людей событий и переживаний, но память о моменте, когда затертые, до неприличия их повторять, слова о том, что человек должен прийти «домой», «к себе» наконец, наполнились чувством и смыслом, перестали быть перепевом чужих, пережитых и выстраданных слов, и стали ее собственными. Память о том, как хотелось попросить прощения у всех, кто их пережил и обрел по праву задолго до нее, была жива до сих пор и очень часто работала будильником и напоминателем, когда от слабости и страха ей опять хотелось иронизировать и усмехаться.

Теперь она прекрасно видела, что именно тогда, пока она сидела на этом раскаленном камне в полном блаженстве, вся ее прежняя жизнь свернулась, как сворачивают декорации после последнего спектакля, когда пьеса уже снята с репертуара. Именно тогда она окончательно и навсегда спустилась с крыши, стоя на краю, которой пыталась разглядеть свою жизнь и, увидеть есть ли у нее еще эта жизнь. Тогда началась для нее дорога, на которой она истово и в меру сил сражалась и боролась, (конечно, «за», не «против»), думая, что живет и радуется, пока однажды в совершенно «неподходящей ситуации», тщательнейшим образом исполняя ответственную социальную роль, не услышала в пространстве громовой развеселый

хохот и не мелькнула в голове ясная, простая и спасительная мысль. «Нет, я не Жанна Д'Арк, и это не стены Парижа!» И рассмеялась, впервые в жизни, по честному. Сама над собой.

Сколько прошло времени? А что такое время? Ни мыслей, ни эмоций. Сколько сил было потрачено для достижения этого состояния. Оно почти никогда ей не давалось. Здесь, казалось, все происходит само собой, просто не может быть по-другому. Все остановилось. «Присутствие» — всплыла в сознание мысль. «Присутствие — при сути».

— Платок есть? Надень. — Голос бы странный с сильным акцентом, но ведь только что здесь никого не было.

Первое, что она увидела и узнала, был посох, который несколько недель назад Мастер вырезал в лесу у озера, в месте, которое здесь казалось невозможным. Хозяин дома стоял перед ней: довольно высокий, грузный, в странной одежде из фланелевых красных в желтый цветочек штанов и длинной рубахи из белой бязи. На шее немыслимое количество бус, каких-то висюлек, ожерелий. Ей было никак не увидеть его лицо. Солнце что ли мешало? Казалось глаза его отражают солнечный свет, и блики не дают рассмотреть.

Его сопровождал неожиданной внешности человек непонятного возраста, сутулый, прихрамывающий в теплом халате и тубетейке. Что там Булгаков писал о взгляде Воланда? Тень.

Она ехала туда, где все начиналось. Когда-то Карлос Кастанеда очень веселил ее своим постоянным беспокойством о том, сможет ли он вернуться в Лос-Анжелес? Как будто нужна большая духовная продвинутость, чтобы понять, что никогда никуда вернуться нельзя.

Очаровательный, ухоженный, спокойный и зажиточный край. «Рай», — говорил Великий Мастер. «Ложись и помирай», — добавлял, хихикая, Мастер, постоянно подначивая мечущихся между желанием комфорта и экзотики местных жителей. Но в семье не без уродца, и здесь были друзья, те, кто рискнул отказаться от гарантированного будущего ради не гарантированного, но полного переживаний и смысла настоящего.

«Сколько можно учить! Третья неделя на исходе и до сих пор не могу добиться, чтобы еда для меня была в любой момент!» Мастер кричал громко, если бы не почтение, то следовало бы сказать: орал во все горло. Его прекрасный, поставленный актерский голос разносился далеко над озером и был тем более потрясающ, что вот уже третью неделю на берегу этого озера, в палаточном городке, где проходил практикум, никто не разговаривал. И даже сам Мастер, единственный, кому позволено было говорить, делал это, обычно, тихим спокойным голосом.

Она метнулась к зарослям малины, где в тени должен был находиться отложенный специально для него обед. Боже мой, только пустые, перевернутые миски, вместо прекрасных оладьев, протертой с сахаром земляники и вкуснейшего холодного борща. Она попыталась всеми возможными способами привлечь его внимание к этому ужасу, но момент был явно не подходящий.

Пространство гудело, шаталось, ей показалось, что над озером поднялся ветер, и оставив тщетные попытки, она бросилась к палатке-складу.

...Мука, сметана, яйца. С какой-то невозможной скоростью, под не прекращающийся крик, она замесила тесто, обрадовалась, что решетка, которая служила плитой на костре, еще совсем горячая, поставила сковородку, подхватила бутылку с растительным маслом. И вдруг, как при замедленной съемке, увидела, как та выскользывает из ее рук, взмокших от волнения и палящих лучей июльского солнца над головой, и медленно-медленно падает прямо в костер. Она увидела себя также медленно ступающей босой ногой на раскаленную решетку и подхватывающей эту бутылку у самого огня. Стоп кадр.

— Сними ногу с решетки, поставь бутылку, сядь — она вопросительно посмотрела на замешанное тесто, на сковородку, на Мастера.

— Не волнуйся, я тоже умею печь оладьи.

Он пек оладьи, она сидела на пне, тупо глядя на свою ногу, на которой не осталось ничего кроме сажи. Тишина, какой не может быть в лесу, оглушала. Листья на деревьях не шевелились, трава не

колыхалась, не плескалось о берег озеро, ни звука не издавали лесные обитатели. Двигался только он. Пек олады.

— Когда-нибудь ты сама станешь как эта тишина и все, что произошло сегодня, увидится ясным и понятным. Пока ты занята собой и твой мир вертится вокруг тебя, никакого другого мира для тебя просто не существует, так что ступай-ка ты спать. Я знаю, что обед был. Твое послушничество кончилось. Она поднялась и двинулась к своей палатке.

— И чтоб спала не менее суток», — раздалось в след.

«Это не возможно», — была ее последняя мысль, перед тем как провалиться в сон.

«Кухня место силы, кухня место силы! Спокойно. Кастрюли не должны греметь, спина должна быть прямая. Состояние должно быть правильным. Я занимаюсь своим делом, и меня не интересует, о чем они там за моей спиной разговаривают. Еще как не интересует. Господи, какое жаркое лето! Распределенное внимание, распределенное внимание! Ничего, сейчас домою посуду и уйду в ванную стирать, там можно закрыться, и есть вполне законный повод побыть одной».

— Чайку сделаешь?

— Сейчас — это вслух.

«Чайник с водой на плиту, стол накрыть заново, заварочный чайник согреть. Спокойно. Пять флюидов, восемь эманаций. Если я даже сяду на него, он не закипит быстрее, чем закипит.

Место силы изменить нельзя!?»

— Что ты с ними возишься? Это же женщины. Столько сил, столько работы, а толку?

Тень Великого Мастера приехал неожиданно, как собственно приезжали в этот дом все.

— Ты не боишься, что за все хорошее они тебя когда-нибудь просто отравят?

— Ну, не скажи. За эти несколько лет она только один раз пыталась меня отравить, но ты же знаешь мой организм.

Мастер веселился.

Она спиной чувствовала многозначительный взгляд. Проклятый чайник все не закипал.

— Ты воин, уважаемая Тень, тебя так учили, но, поверь, женщины стоят тех трудов, которые приходится на них тратить, если даже только одна прорвется. Мы без них мертвы. Мы, мужчины, логос, знание, а знание мертво, если не соединено со стихией бытия, с плотью жизни, а это они, женщины.

— Плоть-то я вижу, а жизнь, и тем более бытия не очень.

— Терпение, мой друг, терпение. То, что растет правильно, растет медленно. Они делают все, что могут. Они приблизились к самому главному: им стали интересны женщины, а не мужчины, они могут уже по несколько часов общаться между собой и находить другие темы для разговоров кроме мужчин. Они почти поверили, что быть женщиной — это просто быть женщиной, а не нести наказание. Скажу больше, они уже минут пятнадцать в день могут прожить не соревнуясь.

Ты великий Мастер!

Вода была повсюду. Мелкие ручейки сливались, не смешиваясь, сохраняя свой цвет, потоки нарастали, они текли во все стороны одновременно, размывая берега, образуя гибельные водовороты, они текли с разной скоростью в разных направлениях, поглощая пространство и время, размывая разум, логику, страх. Это был первозданный хаос, не тронутый смыслом и порядком, безудержный и бесстрастный.

Женское начало мира в своем естественном, свободном проявлении.

Я не боюсь, не боюсь. Я часть этого потока, он часть меня, он не может меня уничтожить, надо сдаться, раствориться, и ... будь что будет.

Вода не может поглотить воду. Поток в потоке не исчезает. Женщина — поток, женщина не может поглотить женщину. Сливаясь, потоки усиливаются, объединяясь, женщины становятся сильнее. Наша сила, наша свобода — друг в друге.

Вода в чайнике, наконец, вскипела.

Ее никто не встречал, да и не знал никто, когда она приедет. В нужный момент ей не составит большого труда найти в этом городе Сказочницу или кого-нибудь еще из учеников. А пока стоило оглядеться, прислушаться к этому вроде бы знакомому городу.

Праведные ученики во всех традиция обязательно совершают паломничество к местам, связанным с жизнью их учителя. Ну, что ж поступим правильно. Тем более что реальность так мило улыбнулась, позволив представителям Традиции, где шутовство возведено в ранг добродетели, воспользоваться ее милостью. В доме, где когда-то жил их Мастер, где в юном возрасте произошло его первое просветление и откуда брало начало все то, чему она верила и чем жила, находился прелестный ресторанчик, с неплохим меню и доступными ценами.

Как не воспользоваться возможностью столь удачно соединить верх с низом. Минипея, так минипея.

— Кофе, салат, дежурный супчик. Да, именно в таком порядке, пожалуйста.

Несколько удивленный официант отправился выполнять заказ.

Мальчишка уже долго сидел на окне и смотрел в окно. Эта привычка появилась у него очень давно, сколько он себя помнил, он любил сидеть на этом подоконнике. Сначала он так ждал мать, чтобы увидеть, как она возвращается с работы, а потом это долгое молчаливое сидение стало необходимой частью его жизни. Окно первого этажа — почти на уровне лиц прохожих. Хмурые, озабоченные усталые лица двигались мимо него вот уже несколько часов, и что-то неясное нарастало в нем: тоска, жалость? Он сам удивился, когда понял. Не то и не другое. Это был протест, возмущение. Он вдруг понял, нет, увидел, ясно, полно с оттенками и красками этих людей совсем другими: открытыми, сильными, радостными. В них жили ростки талантов, несовершенные подвиги, любовь.

Мысль, неожиданная, четкая, рожденная не им, но в нем, казалось, прозвучала вслух: «Нет недостойных людей, есть недостойная людей жизнь».

Голова закружилась, картинка исчезла. Начался новый отсчет времени, будущий Мастер, еще сам того не ведая, вступил на Путь. Со стороны казалось — мир остался прежним.

— Ваш кофе.

Мальчишка на окне исчез, паломничество продолжалось.

— ***Твое здоровье!***

— ***Без сантиментов, пожалуйста.***

— ***Твое здоровье, без сантиментов***

Поэта она нашла на скамейке около своего любимого Собора. Как бы ни менялся, мир вечные ценности будут существовать всегда, а то, как заметишь перемены.

Они долго молча и с восторгом наблюдали восхитительную жанровую сценку. День был воскресный, в Соборе пары венчались одна за другой. Невесты разных возрастов в обязательных белых платьях выпархивали из сурового Собора счастливыми женами и здесь, подобно библейскому змею искусителю, поджидал их проворный и сладкоречивый фотограф. Он соблазнял их сладкими речами, усаживал в самых вычурных позах на свежескошенный газон, фотографировал и только, вырвавшись из-под его чар они вскакивали с травы и одна за другой хватались в ужасе за голову, обнаруживая, как испорчено зеленью их самое главное в жизни платье в самом начале длинного, праздничного дня. Но ни одна из них не извлекла урока из огорчения другой, и все новые подвенечные наряды гибли на газоне, и все новые юные женщины сменяли радость испорченным настроением и слезами.

И тут она решилась.

— Ты помнишь, Мастер, последнее время много говорил о том, что человек не природное существо. Мы еще никак не могли понять, о чем он, в действительности говорит. Тема еще так и зависла. По

принципу — не отзывается, значит рано. Она в поезде так ко мне прилипла, что ни спать, ни есть. А тут еще одна вещь всплыла, помнишь суфийское: человек создан, чтобы учиться. Так вот главное, что создан. «Создан» и «не природное существо». Я, кажется, знаю, в чем суть.

Поэт обладал редким и очень важным для нее даром, он так воспринимал и отражал ее переживания, что она начинала четко видеть и понимать их содержание. И в общении с ним могла оформить в слова, ясные образы и понятия то, что жило в ней, волновало, но не находило выхода и выражения. Она знала это, очень ценила и не раз уже пользовалась. Именно поэтому их общение, столь глубокое, было лишено всяких житейских и бытовых подробностей, они очень мало знали о внешней жизни друг друга, иными словами, практически не были знакомы.

Планета Земля — это учебное заведение. Понимаешь, однажды они сидели с друзьями и пили это вино, когда еще не было виноградной лозы, и увидели, что вина много, и может быть что-нибудь и получится, если научить кого-то еще его пить. И они создали Землю с детскими садами, начальными и средними школами, колледжами, академией. Вот тебе и разгадка незримого колледжа. Эти книги, которым тысячи лет. Эти слова, которые разные люди повторяют с незапамятных времен. Все самые тайные знания, все есть. Ничего не скрыто, просто надо увидеть.

Может быть, это такое начальное условие отбора — учиться могут все, а вступительный экзамен, просто надо увидеть или услышать. Поэтому так много разных Путей, вариантов, традиций, религий. — Максимум шансов. Только увидь, дальше все начнет происходить. Ты узнаешь все к чему ты готов, ты встретишь всех, кто тебе для этого нужен. Постепенно ты можешь учить тех, кто тоже увидел и так до бесконечности. Они же никуда не спешат. Человек действительно *не природное существо*, потому, что *создан*, чтобы учиться.

Идея, что тяжкий физический труд создал человека — от лукавого. Вся история и современная ситуация очевидно доказывают обратное. Такой труд притупляет душу, ум чувства, он-то как раз и приводит человека максимально близко к природе, к единственной

цели выживанию. Слушай, может быть, это обезьяны произошли от человека с помощью тяжелого физического труда?

Она замолчала также внезапно, как и заговорила. Энергия, породившая прозрение, перехлестнула ее, говорить больше не было сил, да и сказано, собственно говоря, было все.

Поэт откинулся на спинку скамейки, а она просто легла на нее. Благо городок был с европейскими замашками: во-первых, чистый, а во-вторых, достаточно демократичных взглядов.

Когда они вернулись в этот мир, вечерело. Они попрощались так же легко, как и встретились.

Небольшое изящно оформленное объявление на дверях одного из храмов в центре старого города остановило ее резче, чем красный свет на перекрестке. Концерт состоялся позавчера. Сердце неконтролируемо бултыхнулось, в ушах зашумело. Давненько она так не нарывалась. Не услышать, что был концерт, не оказаться в правильном месте в правильное время. Смятение нахлынуло волной. «Самонадеянная дура! Тебе только о незримом колледже рассуждать». Оглянулась вокруг в надежде, что, что-нибудь не так, но улочка была пуста, вечерело. Она решительно потянула дверь.

Собор был небольшой, казался невероятно высоким, позолота барочных украшений туманилась в пламени свечей. Людей внутри было неожиданно много. Неподалеку от алтаря кто-то возился со съемочной аппаратурой.

«Что происходит? Спокойно, села, начнем все сначала».

Аккуратно, как учили, встроилась в пространство. Потoki энергии переливались, становились то сильнее, то слабее, сливались в один, разлетались по всему храму, стелились по мозаичному полу и вздымались в высь. Да концерт, несомненно, был, тогда что же происходит? Она рванулась к дверям.

— Эй, что за рацуха?

— Что не так, я что-то не слышу?

— Я же сказал: спокойно.

Она медленно вышла на улицу, отошла в сторону, закурила и стала ждать. Надо было стоять и ждать. В собор входили люди, среди них она уже без удивления увидела кое-кого из учеников. Некоторые останавливались на улице покурить.

— Я просто чудом узнала.

— Он раньше никогда не пел один.

Сказочница говорит, что это будет единственный раз.

Когда сверкающая белая машина со Сказочницей за рулем остановилась у входа, ей оставалось только смеяться над своим недавним испугом и смятением — вот и приезжай в город детства, тут же в него и впадешь.

Мастер вышел из машины и быстро прошагал внутрь, отвечая на приветствия легкими кивками и полуулыбками. Вся сосредоточенная на нем, она только краем внимания отметила, что помогал выходить из машины и спокойно проследовал за Мастером кто-то совершенно незнакомый. Сказочница осталась у входа.

Оглянулась вокруг, пытаюсь почувствовать ситуацию целиком. Ну, что ж пора объявляться.

— Никак не пойму, то ли у нас в ситуации слишком много женского и поэтому он решил подарить нам эту мужскую ситуацию, а может, с мужчинами как всегда плохо? А привет, — поздоровалась Сказочница, нисколько не удивившись. — Ты вовремя. Сейчас, будет что-то такое, чего еще никогда не было. Он будет петь один. Наверное, надо уже идти. Ребята, познакомьтесь — это моя новая подруга. Мы в каком городе познакомились? Я так много езжу, что часто путаюсь.

Они вошли в храм, она села на указанное Сказочницей место рядом с ней, через несколько минут все началось.

В раззолоченном Храме маленького провинциально-столичного городка, распятый две тысячи лет назад на холме такой далекой, такой невозможной в этом благополучном месте страны, внимал с высоты пению седого мужчины в одеждах не то монашеских, не то воинских. Песня эта была молитвой, не мольбой о помощи, не плачем, не стоном. Был в той молитве

шорох листьев в Гефсиманском саду, рев толпы на Иерусалимской площади, грохот битвы, боль утраты и Вера Отцу. Одиноким мужской голос метался по Храму и души тех, чьи лики, закованные в золотые и серебряные оклады, мерцали в свете лампад и игре теней, отзывались ему. И кроме них некому было видеть, как умирают на кресте и возносятся к свету в этом новом мире, который так гордится своей свободой и человеколюбием.

Может быть, именно такими словами отметят этот день в книге, где отмечают события, а не факты.

Он пел, он молился, он кричал от боли и плакал от счастья. Мир растворился в его пении.

«А куда делся потолок?» Вместо хоть и ветхой, но крыши над головой было небо, полное звезд. Мир растворился. Она прижалась к Великому Мастеру, забыв все правила и почтение. Женщина к мужчине? Ребенок к отцу? Просто сгусток ужаса к единственному, последнему спасению. Он был последней реальностью, оставшейся в этом мире. Они парили в звездном пространстве. Она пыталась проснуться, но это и была единственная явь. Он был живой теплый, большой, но гудел так же как эта устрашающая пустота вокруг. Там, где должны были быть глаза, сияли два невыносимо ярких луча света, ее несло по этим лучам, она приготовилась умереть, оказаться безумной или проснуться.

— Что это?

— Абсолют.

Она поняла, что проснется безумной.

— Она меня любит, видишь, как обнимает. Великий хохотал, все вокруг смеялись.

Она не могла пошевелиться. Взгляд Мастера из другого угла комнаты оживил ее. Он хохотал вместе со всеми. Все продолжалось.

Люди аплодировали стоя. Он продолжал сидеть, не имея ни сил, ни желания соблюдать правила. Потом медленно встал, молча земно поклонился алтарю и вышел.

Она привычно рванулась следом, но наткнулась на чей-то холодно-безразличный взгляд, опомнилась и нырнула в толпу.

Квартира Сказочницы, где все собрались после концерта, была похожа на нее. Изящная, легкая, многоуровневая, уют был принесен в жертву простору и художественным деталям. Но камин... Камин искупал все. Легендарный отряд учениц Сказочницы проворно и без лишних слов накрывал на стол. Народ слонялся из угла в угол, напряженно поглядывая в сторону лестницы на втором этаже отдыхал Мастер.

Ее ни с кем не познакомили, и это было очень удобно. Даже появившийся в какой-то момент Поэт посчитал не нужным хоть как-то обозначить знакомство. Ей было чем заняться. Узнавать тех, о ком не раз слышала, но кого никогда не доводилось видеть, сравнивать сложившиеся представления и действительность, что может быть интереснее. И картин Мастера из тех, что она никогда не видела в подлиннике, в доме Сказочницы было немало.

Пауза затягивалась, все постепенно собрались у камина. Она вышла на балкон покурить, там уже кто-то был. В свете зажигалки мелькнуло незнакомое лицо и все тот же равнодушно холодный взгляд. Он небрежно выбросил сигарету и вышел, как растворился. Только теперь она соединила этот взгляд и сопровождавшего Мастера перед концертом человека. Он вызывал напряжение. Ей никак не удавалось его рассмотреть. Пока она размышляла, в пространстве за спиной что-то изменилось.

— Кормить-то будут?

Еда, тосты — все это она оставила им. Это не ее ситуация.

— Три дня назад я впервые услышал ваше пение. Я сейчас не буду говорить о талантливом исполнении и необычной привлекательности самой музыки. Вам сказали уже столько..., я бы хотел поговорить о смыслах, если позволите.

Ужин закончился. Она уселась на полу у балконной двери. Мастер неспешно помешивал дрова в камине.

— Попробуй.

— Вы столько успели сделать в самых разных областях, вы известны, вы ученый, вы создали невозможное: вы оживили и воплотили в людях то, что относительно недавно было всего лишь идеей доступной и понятной немногим. И вдруг эта странная ни на что не похожая музыка. Почему?

— Несколько лет назад я увидел сон. Я увидел себя, идущим к людям и услышал, как я говорю им в ответ на все их вопросы, что я могу вам сказать, разве что спеть. Может, это был ответ на мой внутренний вопрос. Я так это и воспринял. В нашей музыке больше знания, чем во всех моих книгах, беседах и словах. Я всегда говорил, что не возможно рассказать, как оно есть на самом деле, потому что никакого на самом деле не существует, но можно засвидетельствовать то, что знаешь, чувствуешь. Музыка — самая свободная форма, она не замутняет сознание словами, как книги, и не навязывает образы, как живопись, она свидетельствует переживание всего, что мы поем. А мы можем спеть все. Именно поэтому с самого начала было понятно, что петь можно только вдвоем, полнота свидетельствования мира возможна только через соединение мужского и женского.

Жаль, нет моей партнерши. Женщина, актриса, это она может рассказать лучше меня. Но, она птица певчая, чтобы петь, ей надо летать. Поэтому она редко надолго задерживается на одном месте.

Слушайте нашу музыку, и вам откроется мир! — чем не первомайский призыв, расхохотался Мастер.

— Но ведь сегодня вы пели один. Вы нарушили принцип?

— А что есть такая вещь как принцип?

В пространстве металось недоумение, нервный смешок и нарастало напряжение. Только звездное небо оставалось невозмутимо спокойным, а Мастер невозмутимо веселым.

— Вы принесли весть? Мы просто не слышим? — Прозвучал робкий полувопрос из дальнего угла комнаты.

Ангел уже готовый шагнуть в пляшущее, смертельно-животворящее море огня, в последнее мгновение все-таки пожалел нас и обернулся. И каждый, кто видел это, навсегда запомнил взгляд, проникший именно в его душу.

В это же время на острове, посреди одного из самых благосклонных к человечеству морей, на открытой веранде небольшой виллы, на холме земли столь древней, что историки уже давно молчаливо прекратили выяснять, когда же началась здесь жизнь человеческая, одетый в изумрудный, в тон моря балахон, перед мольбертом стоял художник. Одежда предавала ему вид несколько романтический, седые кудри легко трепал сухой горячий ветер с гор, пахнувший всем, чем только может пахнуть ветер в месте, где растут мандарины, бананы, гранаты, цветут бугенвиллии и пасутся козы.

Картина на мольберте была только что закончена.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Какая красивая женщина! Чуть тронутая солнцем кожа, прекрасная линия плеч, открытое, с удивительным изгибом губ и неожиданно серьезным и глубоким взглядом зеленых глаз, лицо. Нет, дело не в этом. Цельная, сильная, как безупречно взятый аккорд, как чистый открытый звук.

Какая женщина!

Она увидела и узнала Птицу Певчую в толпе встречающих сразу, как будто та стояла одна на пустынном берегу.

— Здравствуй, зачем приехала?

— Ну, дела! — не в силах соблюдать хоть какие-то приличия она опустила на ближайший стул и разразилась почти истерическим хохотом.

— Девочки, все в мире, конечно, повторяется, но не до такой же степени.

Мороз был адский. Она шла по пустынной улице совершенно незнакомого городка, пытаясь разглядеть в темноте таблички на домах, время от времени ей навстречу попадались тихие закутанные люди с бидонами, расспрашивать их о чем-либо не хотелось. Недостроенный дом темной громадой возвышался в конце улицы: «Похоже, что сюда». Она с опаской пробралась по строительным сходам и, освещая путь зажигалкой, попелась на седьмой этаж. Запах плова. Кому еще так везло с путеводной нитью!

Дверь открылась. В дверях стояла молодая женщина: «Зачем приехала?»

Она уверенно шагнула через порог.

— Успела? — раздалось из глубины квартиры.

— Еслипустишь, значит успела.

— Проходи, проходи, — он появился на пороге кухни, как всегда неожиданно большой, домашний. — Девочки, потом будете отношения выяснять, давай сначала кормить человека с дороги.

— На картину посмотреть. Тебя разве не предупредили? Говорят, здесь написана единственная в своем роде картина.

Они ехали вдоль берега моря, не спеша, иногда перебрасываясь вежливыми фразами о красоте этих мест, природе, погоде.

Да и куда было спешить. Так многое произошло, так многое могло произойти.

Мир чудесного не терпит суеты.

С трудом вскарабкавшись на крутую гору, машина остановилась у ворот небольшой виллы.

— Двери открыты, еда на столе, все, что понадобится, найдешь, не маленькая. Я буду часа через три.

Она резко развернула машину, и та мгновенно исчезла за изгибом горы.

«Так, значит».

Они смотрели в упор, не мигая, не отводя взгляда ни на мгновение. Они не о чем не спрашивали и ничего не ждали. Чистый взгляд — ни зова, ни обещания. Тайна холодна, у тайны нет определений. Ею нельзя овладеть, к ней можно приобщиться... и замолчать.

Пространство вибрировало, переливалось разноцветьем, плотный мир растворился и исчез. Ровный золотистый свет расширился и вобрал ее в себя. Она растерянно оглядывалась, почти ослепленная, что-то мягко развернуло ее от света, и она увидела.

Хаос и порядок, начало и конец, ад и рай, — все эти слабые попытки людей описать, передать все, что она увидела, мелькнули перед ней и исчезли, где-то внутри металась воспоминания о возможности ужаснуться, восхититься, поставить преграду между собой и этим видением..., но не чем было.

Все привычное растворилось и сгорело в золотистом свете. Чистый взгляд — ни радости, ни горя, ни любви.

Порыв ветра с моря взметнул шторы на окнах, раздался звон разбитого о мрамор веранды стакана, телефонный звонок и обрывки

разговора.

Видение исчезло, мир уплотнился и... стал таким как прежде?

С огромной картины на белой стене на нее смотрели семь женщин, семь полуобнаженных женских фигур, таких разных, таких узнаваемо-незнакомых. Фон картины сверкал всеми оттенками золота и казался написанным не красками, а светом.

— Ты хочешь сказать, что мы такие же?

— Когда я хочу сказать, я говорю, а это, если ты, конечно, обратила внимание, картина.

— Как же теперь с этим жить?

— Попробуй для начала помнить.

Птица Певчая, вся порыв и дрожание натянутой струны, возникла в дверях:

Мастер звонил, и сказал, что ты можешь остаться до его приезда. Он говорит, что ты не помешаешь.

Наконец-то. Завтра я увижу их всех.

— Смотри, как бы они тебя не «увидели».

Они съезжались весь следующий день. Большими или меньшими компаниями, прилетая разными рейсами, из разных городов. Все как обычно. Более или менее искренние объятия, более или менее теплые приветствия.

Здравствуй дорогая! Как хорошо выглядишь.

Выбрались все-таки, какие молодцы!

Нет, Мастер придет потом. Не знаю. Да найдем что делать. Море теплое, солнце светит. Сад одичал.

Она сидела в тени на веранде виллы рядом с домом Мастера. Иногда, среди вновь приехавших мелькали уже знакомые лица: небрежно — удивленное — «Ты здесь?» — Сказочницы. Веселый, узнающий взгляд Поэта. В одной из компаний она с удивлением узнала того, кто всегда был рядом с Мастером. Он был оживлен, дружелюбен и как всегда неколебимо спокоен. Она неконтролируемо долго задержала на нем взгляд, он обернулся, что-то мелькнуло в пространстве, и тут же исчезло. Показалось?

К концу дня на вилле, где ее поселили, собралось еще восемь женщин. Птица Певчая коротко представила ее всем, сообщила, что она здесь на вольных правах, может во всем участвовать или не участвовать ни в чем, и на нее тут же перестали обращать внимание.

— Тоже мне: своя — среди чужих, чужая — среди своих.

— Держись. Никто не говорил, что будет просто.

— А что? Кто-то жалуется?

Очень раннее утро началось с голоса Птицы Певчей. Она сновала по дому Мастера, то, появляясь на веранде, то, исчезая в саду. Это не была какая-то определенная песня, казалось, ее голосом поет, дом, сад, все к чему она прикасается, занимаясь обычными утренними делами старательной хозяйки дома.

— Утро доброе! Я вчера была не очень внимательна, извини, я всегда волнуюсь перед большим съездом, а тут еще ты. У нас раньше никогда не было незнакомых в такой ситуации. У тебя все нормально?

Птица Певчая, актриса — всегда актриса, играла роль до конца. Мы не знакомы. Ну, не знакомы, так незнакомы. Сама же всегда говорила, что жизнь — гораздо более подходящий театр, чем обычная маленькая сцена.

Ее голос, ее присутствие создавали в пространстве необъяснимое напряжение недосказанности и странной тревожности, чувства обострялись, самые простые слова приобретали некий неясный, но очень важный смысл, который не в коем случае не хотелось упустить. Каждое ее появление приносило с собой не то звон далекой битвы, не то не смолкающий гомон праздника.

Удивительно мягкая, теплая, обволакивающая волна заполнила холл, где она в одиночестве пила кофе, бездумно наблюдая за непрекращающейся игрой красок на море за окном.

Ну, вот и четвертая. Как я до сих пор ее не «увидела»?!

«Расслабилась ты, дорогая, в южной неге».

Оборачиваться не хотелось, хотелось купаться в этих волнах, наслаждаясь столь редкой по своей полноте и силе энергией

материнского тепла и заботы.

Завтракать будешь? Я не люблю есть одна.

Рано или поздно, но обернуться бы все равно пришлось. Вот это да! Надеюсь на лице ничего кроме вежливого дружелюбия. Где были мои глаза?! Как много раз судьба сводила меня с этой женщиной.

— **Мне стыдно.**

— **Стыдно? Это хорошо.**

Ворота Храма закрылись за ее спиной навсегда. Учитель еще был рядом, но казался уже недостижимо далеким и неприступным. Как и она, он был в одежде странника, направляясь по неведомому для нее пути.

— *Ступай. Каждая из твоих подруг уже покинула свой Храм, ступай. Удачи. И до встречи.*

Он внезапно и резко стегнул ее коня, тот рванулся, обиженный, с места в карьер, не давая пролиться предательски навернувшимся на глаза слезам и сорваться с губ жалостливым словам прощания.

— Действительно. А, почему бы и не позавтракать?

Мужчинами легко управлять, а вот любить их очень не просто.

Роскошная фраза под занавес. Мастер произнес ее уже в дверях, выходя из холла, где о чем-то долго беседовал с женщинами, живущими на этой вилле. Он присел за стол на веранде, где несколько человек молчаливо пили кофе, и продолжал:

— Пока мужчина привязан к внешним признакам своей мужественности, к своим достоинствам самца, каждая мало-мальски разумная женщина легко справится с ним. Немного сочувствия, чуточку лести, несколько комплиментов — и он готов. А вот любить... Любить без всяких условий. Ничего не ждать, ничего не требовать, принимать таким, каков есть... Даже мать не всегда на это способна.

Кофе остывал. Шумело невидимое в темноте море, сверкал огнями безмятежный курортный городок. Люди на веранде совсем притихли, поглощенные волной невыразимой печали, тревогой и недоумением.

— Так значит на земле совсем мало любви?

Вопрос повис в тишине, очевидность ответа потрясала.

Он сказал: «Властвовать над мужчинами просто, любить их трудно».

Она сказала: «Я тебя больше люблю, чем хочу».

Когда они встретились, власть уже кончилась, а любовь еще не началась. И они застыли в ожидании.

Она сказала: «Я ищу не любви, а умения».

Он молча кивнул и продолжал сидеть, глядя в темноту ночи, в вечном ожидании мужчины — в ожидании женщины, умеющей любить.

Она всматривалась в эту же ночь с вновь обретенной беззащитностью и любовью, которую еще не умела отдать.

Между ними темнела пропасть, и где-то затерялись чертежи моста.

Они продолжали идти, каждый по своему берегу.

Со стороны могло показаться, что они идут вместе.

— И даже вы не встречали ни одной, которая бы это смогла?

— Нет. Видел нескольких, которые были близки, но чтобы до конца... Нет, не довелось.

— Что скисла? Пробуй. Путь не заказан.

Поэт буквально налетел на нее, споткнувшись о камень у самого берега, рядом с которым она сидела уже давно, наблюдая, как гаснут краски дня, как меняется море. Уже совсем стемнело и ей казалось, что она сидит не на берегу моря, а на берегу *Ничего*. Все краски слились в одну черно-синюю глубину, ветер умолк, даже прибой затих. Она с детства любила море за это чувство края, предела. Как будто после долгого пути, наконец, оказываешься перед началом неизвестности и замираешь, и веришь — сейчас-то все и начнется. Поэт присел рядом на камень, и они еще некоторое время всматривались в эту неизвестность, соединяясь в молчании, как соединяются люди в любви или общем переживании.

К берегу приближалась шумная компания и, сочтя это за знак, они, не спеша, двинулись в сторону дома Мастера.

Центральная улочка городка была ярко освещена и совершенно пуста. Маленькие ресторанчики самой причудливой архитектуры были закрыты, оставленные на ночь вдоль обочин чистенькие блестящие машины, казались игрушками, которые отдыхают до новых игр. Дорожные знаки мигали, светофор менял цвета, светились витрины — декорация нескончаемого спектакля под названием: «Жизнь провинциального городка в мертвый сезон», была готова. Свернув на небольшую улочку, чтобы сократить путь, они застыли совершенно замороженные необычным и непонятным зрелищем: в ярко освещенной «Стекляшке» сидели люди, их было не то пятьдесят, не то шестьдесят. Преимущественно пожилые, мужчин больше, чем женщин, одеты приблизительно одинаково в курортно-вечернем стиле. Они сидели совершенно неподвижно, и разделенные неизвестно кем и для чего на три почти равные группы, смотрели в разные стороны.

Музей восковых фигур? Шок длился несколько мгновений. Вдруг люди в «Стекляшке» как по команде зашевелились, заговорили. Они подошли ближе. Да, не надо терять землю под ногами, отправляясь в другие миры.

В зале висели три огромных экрана. Люди смотрели футбол.

— Ты когда-нибудь обращала внимание на то, какие глаза у благополучных пожилых людей здесь, да и повсюду, где бродят они толпами праздных туристов? — заговорил Поэт, когда они вдоволь насмеявшись, двинулись дальше. — Это безмятежные глаза детей, как будто нет у них за спиной долгой и далеко не безоблачной жизни. Такое чувство, что реальность, так и не дождавшись, чтобы задумались они о смысле, о том, зачем пришли в этот мир, в благодарность за труды, хлопоты и продолжение рода вернула им детство. Они не выполнили заповедь. Они были как дети, и остались детьми.

Да будет благословенна безопасная эта земля! Она неспешно брела по совершенно темной крутой дороге между банановой

плантацией и мандариновым садом к вилле, за которой прочно закрепилось название «женская».

На горе, несомненно, колдовали. Низкие ровные вибрации сменялись резкими ведьминскими выкриками.

Она вошла во двор. Огромный глиняный кувшин, декоративно лежавший посреди двора, обрел, наконец, смысл своего существования. Десяток пар женских рук выстукивал на нем причудливый ритм, все это сопровождалось непрерывным вибрирующим пением, и сливалось в дикую первобытную гармонию.

— А ты сомневалась.

— Но ведь они почти ничего о себе не знают!

— Не страшно. Главное, что у них все это есть.

— Это женское место. Здесь женщине одной безопасно. Жди.

Великий Мастер привел ее к каким-то развалинам на краю старого кладбища и исчез. Сначала ей все было интересно. Женщины в одиночку и целыми группами приходили, молились, пили чай, уходили, их сменяли другие. Постепенно на нее стали обращать внимание. Некоторые что-то говорили, но она не понимала их языка. День разгорался, жара усиливалась. Она двигалась вместе с тенью, прячась от палящего солнца. Потом она стала ждать. А потом и ожидание растаяло в этой жаре.

— Это тебя дивана привел? Да он уже давно забыл про тебя, сама видела, как на попутке в деревню уехал. Пошли с нами.

Она продолжала молча сидеть. Женщина странно посмотрела, оставила бутылку с водой и тоже ушла.

«Ах, вот как рождается музыка здешних мест» — проплыло в сознании.

Солнце начало склоняться к западу, жар уменьшился и камни, отдавая тепло, звенели. Звуки эти были очень похожи на мелодии здешних песен.

— Что сидишь, что ты здесь сидишь? Не видишь, вечер уже. Я тебя всюду ищу, домой пора, последний автобус уедет.

Великий налетел как смерч в пустыне — внезапно и ниоткуда. И был так же грозен и шумен. Он тащил ее за руку, ругаясь на всю округу,

путая слова русского и родного языка. Ноги, онемевшие от долгого сидения, не слушались, голова кружилась.

Они ввалились в автобус, пыльный и старый, как все здесь. Мест не было, и они пристроились на полу в конце прохода.

— Ты устал? — спросила она, когда автобус тронулся. Горло пересохло, и голос не слушался. Вопрос прозвучал неожиданно громко, на весь салон. Все рассмеялись. Все. Кроме Великого.

Они сидели на прибрежных камнях уже довольно долго. Вчетвером. Впервые. Напряжение росло. Как редко нравимся мы себе на фотографиях, как редко узнаем себя в зеркале.

— С некоторых пор мужчины вызывают у меня огромное сочувствие. Их судьба очень не проста. Мы, женщины, в своем легкомысленном эгоизме привыкли попрекать мужчин их преимуществами, их, якобы, свободой и тем, что они присвоили себе слишком много прав. Эта чепуха так давно повторяется на разные лады, что многие в нее совершенно поверили, и относятся к ней вполне серьезно. Но ведь возможен совсем другой взгляд. Смотрите, как все происходит. Испокон века, когда в семье ждут ребенка, особенно первого, ждут мальчика, и не вообще мальчика, ребенка, подарок судьбы. Ждут очень конкретно, наследника, продолжателя рода, носителя лучших черт семьи, Заранее зная, каким он должен быть, чтобы все были довольны, чтобы оправдать ожидания рода, предков. И вот он, долгожданный, появляется.

Думаете, ему рады просто потому, что еще один человек родился? Нет, ему радуются, потому, что есть на кого возложить надежды и ожидания. Даже мать не всматривается в него с радостным удивлением и не спрашивает тихо: «Кто ты?» И с первых дней до смертного часа мужчина, чтобы он ни делал, в действительности, занят лишь одним, он стремится оправдать ожидания. Сопrotивляясь или покорствуя обстоятельствам, он, так или иначе, стремится соответствовать.

Мужчины не плачут, и он стыдится слез.

Мужчина должен быть сильным, и он прячет тонкость чувств и нежность души.

Мужчина должен, мужчина обязан, у нас в роду мужчины никогда...

Его все время сравнивают, он все время соревнуется...

И ищет любви. И, кажется ему, иногда находит. Но там тоже сравнивают, и там тоже приходится соревноваться. И он идет дальше и продолжает искать. Искать не приза и награды, а женщину, которая примет и полюбит его ни за что. Просто потому, что он — это он. И он сможет, наконец, снять все доспехи, отказаться от всех соревнований и безбоязненно раскрыть душу.

Но самое печальное, что доспехи прирастают, а дух соревнования так въедается в плоть, что если и посылает судьба чудо такой любви, то чаще всего нечем ее принять и нечем в нее поверить.

— По-твоему получается, что женщины вообще никому не нужны, от них никто ничего не ждет, на них не возлагаются надежды. Им, что кухня, церковь, дети?

— Вообще-то не мало — жизнь, любовь, будущее. Так не приходило в голову посмотреть? Собственно, не все ли это, чем оправдывается жизнь человеческая? Женщина — поток, мужчина — берега — это уже давно не откровение, а банальность. Во что превращается поток без берегов? Что за абсурд — берега, из которых давно убежал поток? Так и происходит: мужчины боятся женщин, женщины себя. Кто здесь говорит о любви?

— А, если женщина творец, художник, если у нее талант, если она ощущает свое предназначение в другом?

— Кто против? Но только не за счет мужчины. А сама, и без нытья на тему: я, все-таки, женщина. Играешь в мужские игры, учитывай их правила. Правда, женщины теперь даже в поднятии тяжестей соревнуются, но ведь никто еще не потребовал общих соревнований. Даже феминистки не рискуют объявить отдельные спортивные соревнования для мужчин и женщин дискриминацией. Слишком очевиден результат.

— Ты не любишь женщин!

— Я не люблю торги.

— А где ты видела мужчину, способного принять и оценить такую любовь?

— А при чем здесь это?

— Интересно, что знала та, что первая сказала: «Я тебя так люблю, что мне от тебя ничего не нужно»?!

— ***Зачем ты тогда послала меня на костер?***

— ***Ты была слишком красива, а я слишком стара.***

— ***Почему ты осталась тогда с ним, ведь ты знала, как я его люблю?***

— ***И ты рассказала обо мне правителю?***

— ***Я не могла иначе.***

— ***Но они изгнали меня.***

— ***Остановитесь. Кто мы? О чем мы?***

Волны накатывались на скалы и разбивались, обдавая берег блестящими брызгами и клочьями пены. Ни перекатиться через камни, ни слиться в единый поток, ни понестись в неизведанное по новому руслу. То ли прибрежные камни слишком высоки, то ли волны малы, то ли ветер недостаточно силен.

— ***Ничего не получилось. Мы же узнали друг друга***

— ***В том-то и дело, что узнали.***

Она осталась сидеть на берегу одна. Наверное, так чувствует себя невеста, которой за несколько часов до свадьбы, жених сообщил, что понял, что пока не готов к столь серьезному шагу и просит понять его, простить и не обижаться.

— ***Ты этого слишком хотела.***

Она прокручивала и прокручивала перед внутренним взором то, что только что произошло.

«Как они смотрели друг на друга! Напряженно, настороженно, всеми силами хорошо обученных личностей, маскируя знание о том, что смотрятся в зеркало и видят себя.

Все четыре, несомненно, знали о чувствах остальных, но старательно строили защиту, уходя от встречи, по-прежнему неизбежной. Одно утешение, одна надежда, что это просто этап пути каждой из нас. И встреча преждевременна?

Нас же никогда не готовили специально к такой встрече. Просто каждая откуда-то всегда знала, что она должна состояться. И потому реальность и Традиция как бы равнодушно ожидают наших собственных усилий.

Почему же это до сих пор не происходит? Много лет, а может быть и жизней назад, мы начали свой путь. И, видит Бог, многое преодолели, и многое в себе изменили, движимые своим желанием и по вере своей. И казалось, проблема исчерпана, нет ни войны, ни борьбы, ни страха. Мы продолжали движение, решая другие проблемы, и постепенно оказались вместе на этой скале. И, оказавшись там, стали усиленно делать вид, что находимся на ней каждая по своему поводу.

Так в чем же дело?

Когда бы знать...»

Чудо было настоящим, то есть обыкновенным и незаметным для большинства. Холодный проливной дождь, шедший уже два дня, прекратился точно в назначенное для съемок время. Огромная, фиолетовая туча, беременная дождем и мокрым снегом, расступилась, и над Священным градом на совершенно чистом небе засияло солнце. Многократно воспетые, но от того не менее прекрасные, засверкали купола, кресты и полумесяцы на Священной горе.

На Променаде, в виду всего Старого города, сидела женщина в роскошном бархатном платье, подол которого был безжалостно раскинут по мокрому мрамору мостовой, и мужчина, в смокинге, без галстука с растрепанными холодным ветром седыми кудрями. Они пели.

Пели, молились, молили?

Звуки, рожденные их голосами, казалось, принадлежали не им. В этой странной, завораживающей древними гармониями музыке, слышался голос самого Священного города. Они ни о чем не просили. Они вопрошали, и, казалось, слышали ответ. И благодарили.

Ожидающие любых чудесных неожиданностей прохожие останавливались и замолкали, не желая помешать и, может быть, в

глубине души ощущая, что такая встреча не может пройти бесследно для их судьбы.

Смолк последний звук. Туча сомкнулась, дождь хлынул с прежней силой.

А по дороге, ведущей к месту, где только что свершилось это чудо, не обращая внимания на проливной дождь, и ледяной ветер, шел молодой мужчина. Его промокшая насквозь одежда свидетельствовала о благополучии и успешности, а потерянный, устремленный в нездешнее взгляд — о том, что открылось ему Нечто, и рухнул его привычный мир, и прозрел он, что «все суета сует, и всяческая суета».

«Чудеса,

Как трава под колеса машин...»

— «Не найдя себя, одни ищут истину, другие — толпу». Без яростного интереса к самому себе как человеку, ни поиск истины, ни поиск хорошего «Мы» не имеет никакого духовного смысла. Мне кажутся нелепыми, банальными и примитивными отношения между людьми, в которых реализуется зависть, а деловое соперничество подменяется жаждой разоблачения другого. Гуманизм требует выбирать сторону сложного и поэтому достаточно лживого, но лишённого агрессии социума, против простого и поэтому очень агрессивного».

Мастер замолчал. Пауза была полна, как продолжение разговора. Давненько мы здесь сидим. Придорожная закусочная в нескольких десятках километров от Священного города, ночь с пятницы на субботу. В дальнем углу четверо солдат по очереди, тихо переговариваясь, потягивают кальян. Хозяин, высушенный солнцем и ветром, похожий на оживленную мультипликацией корягу, неспешно готовил заказанную солдатами еду. Ни спутниковый телефон, по которому он беседовал, не прерывая привычную работу, ни грозный транспорт солдат, ни автомобили последних моделей у обочины дороги, не могли разрушить ощущение вневременья. Здесь все было уместно.

— Говорят, две тысячи лет назад здесь уже звучал подобный вопрос, и все же: что есть истина?

— Истина не в простоте. Истина в самом сложном, что есть в этом мироздании. Истина в человеке. И найти себя самого во всей своей силе, величии и красоте — это единственный способ практически в бытии реализовать любовь к людям, мудрость, красоту, гармонию. Только сильный, нашедший себя человек не будет заниматься банальностями текущей жизни. Он их видит, но они его не волнуют. Он понимает, что это неизбежное обстоятельство. Его волнует как раз всё то, что банальностью не является.

Бездонная пустота неба и земли заполнилась тенями, невнятным говором, шепотом и слезами, тихим смехом и громкими возгласами. Они шли куда-то, не разбирая дороги, они сидели у костров, они слушали и говорили сами. Они сменяли друг друга и оставались прежними. Время и пространство текли сквозь них, оставляя в их умах крупницы Знания, а в сердцах проблески Любви. Временами то тут, то там вспыхивал свет, и взвивались языки пламени — Свет Знания и Пламя Любви.

— Наша Традиция утверждает, что знание существует только в форме людей. Заметьте, очень категорично: *только в форме людей*. Значит, качество общения с людьми полностью определяет возможности в постижении смысла. Нет никаких других способов. Книжки, тексты — это всё поводы, толчки. Но они не дадут вам постижения, а уж тем более преобразования — трансформации, если качественно не изменятся ваши отношения с людьми. Я в этом убеждён абсолютно.

— ***Ты говоришь это уже несколько тысяч лет, как только терпения и сил хватает.***

— ***Работа такая.***

И он продолжил.

— Один йог тридцать лет медитировал в пещере. Наконец решил, что уже просветлел, достиг, преобразился и спустился в город. Кто-то случайно задел его плечом, и он воспылал гневом. Тут же, правда, это отследил. Всё-таки тридцать лет. И заплакал от обиды: что же я делал в пещере все эти годы?»

И действительно, что же он делал тридцать лет в пещере?

Он искал истину и не нашёл. Он пытался спрятаться от банальностей жизни, но небанальности находятся там же, где и банальности. Ни в каком-то другом месте. Что дороже, что важнее, что ценнее — это уже вам самим надо разбираться.

Он не знал, сколько часов шел по этому промерзшему и заваленному снегом лесу. Когда идут умирать, не смотрят на часы. А он шел умирать. Что гнало его? Не возможность сохранить достоинство, а значит себя. Страстная и романтическая его природа подсказывала только одно — лучше умереть, чем потерять себя. И он шел в никуда по безбрежному, девственному лесу, не разбирая дороги. Все было обставлено красиво: никому ни слова, угощение друзьям, по какому-то вполне оправданному выдуманному поводу и тихий, незаметный уход. Вполне приличная режиссура.

Выбившись из сил, он споткнулся, и рухнул в ближайший сугроб. Казалось бы, желанная, нежная морозная смерть близка. Стало почти тепло, небо над головой было бездонным, полным мерцающих звезд, блаженство охватило его. Мучивший его последнее время вопрос о загадке шекспировского «Гамлета» вдруг разрешился, и он понял то, что еще никто не понимал про эту пьесу. Теперь он знал, как ее надо ставить.

— И это все на что ты способен? Назло кондуктору «благородно» умереть в этом поганом лесу? Стоило, конечно, ради этого родиться. Да уж, жить-то потяжелей будет, чем помереть здесь под корягой.

Выныривать из подступившего блаженства не хотелось, но голос был настойчив и раздражал. От него было не спрятаться, и он вдруг разозлился. Разозлился на себя.

Жить, сохраняя свою уникальность и свое достоинство, — это задача, решение которой стоит любых усилий. А он с детства отличался любовью к неординарным задачам и нестандартным решениям.

Когда через два часа он тихо вернулся туда, где еще не успели заметить его исчезновения, и в умывальне, глянув на себя в зеркало, он не узнал себя. Обмороженное лицо могло принадлежать и двадцатилетнему юноше и старцу, но это было не главное. Глаза человека, смотревшего на него из зазеркалья, были ему совершенно не знакомы.

Через много лет, уже взрослым человеком, пройдя немалую дорогу по однажды выбранному пути, он услышит, как Великий Мастер скажет, как бы невзначай: «Жить надо!» и узнает голос.

— Как жаль, что тебя не было. По четвергам Мастер рассказывает устный роман.

— Сегодняшняя история — это что-то совершенно необыкновенное!

— Кроме всего он просто прекрасный рассказчик.

Они были так взволнованны, так полны только что услышанным, что даже пытались что-то пересказывать.

Да, действительно, жаль, но мне кажется, я все слышала.

— Он вас давно сдал. Вы совершенно зря отпираетесь. Мы знаем совершенно точно, что вы нарушили наш уговор и рассказываете ему все.

Сквозь задернутые шторы служебного номера интуристовской гостиницы в самом центре благополучного ухоженного и такого безопасного города доносился размеренный гул уличной толпы, шум машин и музыка.

Музыка в самом популярном в городе кафе, которое, вот ирония судьбы, считалось центром и оплотом свободомыслия, начиналась в восемь. Надо же, четвертый час беседеум!

Дым коромыслом, полные пепельницы, бесконечные чашки кофе.

«Их хорошо учили. Меня учили для другого. Кто мог подумать, что духовные практики так пригодятся во время перекрестного допроса.

И зачем я вчера столько валялась на солнце? Дорвалась, дура! Теперь они уверены, что это нервная дрожь»

— Мне все равно, хотя я знаю, что вы меня обманываете. Вы же читали те же книжки, что и я. Отношения с Мастером не имеют ничего общего с тем, что вы мне пытаетесь навязать. Чем вам мешает желание людей разобраться в своей жизни и найти ее смысл? При чем тут вы?

— Да нет в его действиях никакой корысти!

— А что такое нормальный мужчина? Меня еще мама учила, что совать свой нос в чужую спальню не прилично. Ты ведь ее должен хорошо помнить. Пикантность ситуации заключалась еще и в том, что один из «собеседников» был ей прекрасно известен. Они двадцать лет жили в одном дворе. Он старательно делал вид, что они не знакомы, она всячески игнорировала его старания.

— Вы хотите меня убедить, что весь этот бред он вам сам рассказал?

— Нет, разоблачение перед родителями и ребенком меня не пугают. Они прекрасно знают, как мы действительно живем.

— Господи! Как же у нас в стране все хорошо, если у вас есть столько времени на все эти глупости!

— Будь внимательна! Ситуация движется к завершению. А правило последних шагов никто не отменял!

— Я стараюсь.

— Будьте осторожны! Скандальная известность человека, которому вы так доверяете без всяких на то оснований, растет. Почему вы не хотите признать, что так может жить только человек распущенный и безответственный? Он задуривает вам всем головы и пользуется вашей наивностью и доверчивостью для достижения своих корыстных и нечистоплотных целей. Да он попросту пользуется вашими деньгами и жилплощадью.

— Не надо было лишать его возможности работать.

— Но, самое главное, его идеи вредны для государства. Мы сделаем все, чтобы помочь вам это увидеть, и надеемся, что и вы ответите нам доверием и помощью.

Наверное, именно так смотрят служащие этого гостиничного филиала серьезнейшей в стране организации на проститутток, выходящих из номеров после работы.

«Ну и видок! Точно уж после работы».

— **Все. Я еду.**

— **Давай.**

— Они пытались меня уговорить, что ты меня им сдал.

— Да, именно так все и было.

«Да будет Воля Твоя!

Да будет Воля...

Да будет...»

— Я дорасту до момента, когда смогу увидеть, зачем?

— Надеюсь.

Море все также переливалось всеми оттенками изумруда. Солнце все также нещадно палило над этой странной, выжженно-зеленой землей. Она давно уже поняла, что тогда он фактически спас ее, так жестоко и неожиданно подставив. Кто будет всерьез иметь дело с болтливой, недалекой и безответственной дамочкой?

Размеренно текла праздно-курортная жизнь, за которой не видны были радости заботы и хлопоты местных жителей. И то, что на одной из уютных, в розах и бугенвилиях, вил уже который год происходили события смысл, значение и последствия которых будут еще очень долго проращать и раскрываться, источая головокружительный аромат истины, подобно тому, как раскрываются розы, источая свой ни с чем не сравнимый аромат.

— Давно вы тут не были.

— Три года.

Монах сидел на лавке напротив входа ко Гробу Господню в удивительно пустом в это время Храме, и она сразу узнала его. Он

приветливо улыбнулся, но поверить, что и он действительно узнал ее, после стольких лет и среди стольких лиц, было просто невозможно. Это она помнила его все эти три года, его, который по причинам ей неизвестным выделил тогда из толпы, остановил в потоке зевак и паломников и благословил, коротко прикоснувшись легкой и необыкновенно горячей рукой ко лбу.

Показалось.

Но когда через довольно долгое время она вернулась в главный зал, он по-прежнему сидел на лавке и улыбался, и уже невозможно было не поверить и не подойти.

Осмелев, она расспрашивала его о том, как протекает его жизнь, о ее правилах и порядках.

— По воле настоятеля моего монастыря, что в Афинах, служу я здесь уже двадцать три года и молю Господа, чтобы позволено было мне оставаться здесь до смертного моего часа.

Эти люди съехались из разных городов и стран и вели себя так, как обычно ведут себя люди, совершившие что-то непривычное для себя, большее, чем их обыденная жизнь. Они волновались и нервничали. Одни были подчеркнута собранны и молчаливы, демонстрируя понимание значимости момента, другие подчеркнута говорливы и нервно-веселы, демонстрируя несуществующую уверенность в себе.

А как все будет?

Говорят, будет экзамен.

Ну, еще скажи, что он и оценки ставить будет!

Да нет, говорят, просто будет отсылать.

Ну, вам-то чего бояться.

Молодые и в возрасте, победнее и побогаче — все они были равны перед лицом неизвестности, которая поманила их и привела сюда.

Юноша в нерешительности топтался у входа, думая, что путь ему заказан, но надеясь на что-то... Он был молод, странен на вид и мало с кем знаком, и они не обращали на него внимания, да его, собственно, это совершенно и не волновало. Мастер шел быстро, собранный и, казалось, совершенно отрешенный, он уже почти прошел мимо...

Пойдем, что стоишь?

Но я ... у меня...

Заходи быстрее, пора начинать.

И он вошел.

Рыбак в просоленной одежде выгружал улов, надвигающийся шторм торопил и без того споро работающих артельщиков. Серебристые рыбины бились на берегу, предвещая большой заработок и благополучие. Пот заливал глаза рыбака, он отвел, подавшие на лоб волосы, утер рукавом пот. Мастер, возникший ниоткуда, незамеченный за рабочими хлопотами, казалось, уже прошел мимо, но глаза их встретились, ветер рванул с новой силой, напоминая о том, что нужно торопиться

Да брось ты эту рыбу! Пойдем, я сделаю тебя ловцом душ человеческих.

Но я... у меня...

Но руки уже отпустили сеть, и первый шаг уже был сделан.

«Как там, — мелькнула мысль, — «пока на берегу Ганга в ожидании Учителя сидит мальчик, мир может быть спокоен?» Мысль эта показалась ей поначалу совершенно неуместной. А почему, собственно? Когда душа жаждет быть и просит о помощи, то при чем здесь география?

Ей показалось, что сидят они так, то замолкая, то продолжая беседу невозможно долго и, казалось ей, что она знала этого человека всегда, и встречалась с ним в другие времена и в других местах. Она чувствовала, как безграничный покой заполняет ее, освобождая от суеты и раскрывая душу, и что здесь в этом месте перед лицом всего, что тут происходило и всех, кто сюда приходил нет ничего более важного, чем этот покой.

Шумная толпа туристов развеяла наваждение. Они гомонили, как делают это в любом месте мира, не волнуясь о настоящем, и не чувствуя прошлого. Они смотрели на мир через глазок кинокамеры или фотоаппарата, откладывая настоящий момент на будущее, как

заядлые скупцы, откладывают запасы, чтобы уже никогда не узнать вкус и аромат настоящего.

— Зачем вы разрешаете им фотографировать и снимать здесь?

— Каждый должен получить то, ради чего он пришел. Тот, кто приходит ради молитвы — молитву. Тот, кто приходит за фотографией — фотографию. Они пришли за фотографией. Пусть они ее получают.

— Я обнаружил в своей жизни странное явление: я не могу описать ее с помощью событий. — Мастер отодвинул тарелку, закурил и, смакуя, пригубил легкое домашнее вино местного производства.

Туристический сезон давно закончился, ресторанчик был пуст и только веселый несколько эксцентричный хозяин, чье имя было известно всему побережью, сновал между кухней и залом, умудряясь одновременно не мешать посетителям и не пропустить момент, когда он будет необходим. Опытный ресторатор, он сразу увидел в госте, сидевшем во главе стола ценителя и не ударил в грязь лицом. Такой рыбы, таких салатов никому из присутствовавших пробовать еще не доводилось. У хозяина, несомненно, были свои семейные кулинарные секреты.

— Да никаких особенных событий в моей жизни и не было. Так я воспринимаю. А потом думаю, ну как же не было. Вот я был в Астрахани во время холеры. Ну и что? Я все равно вспоминаю людей. Я вспоминаю совершенно балдежную атмосферу города: все регулярно моют руки хлоринолом и даже дети знают это слово «вибрион», пьют вино, так врачи советовали. Оно продавалось везде, легкое такое. В театрах полно народа и вообще очень весело. Все дешевое. Я там дипломную практику проходил в это время. Новые люди, человеческие истории, бесстрашные анекдоты типа:

— Сестра! Сестра! Пошлите телеграмму жене.

— Записываю больной.

— Умираю Астрахани сифилиса.

— Больной, что вы диктуете. У вас же холера, а не сифилис.

— Я хочу остаться в памяти жены мужчиной, а не дристуном.

Я помню семью: муж, жена, двое мальчишек, одному лет восемь, а другому лет двенадцать. Они рвались домой в Москву, а карантин. Так нет: разработали маршруты и через пустыню уходили из Астрахани. Потом прислали нам, тем, кто их знал, телеграмму, что добрались благополучно.

Ветер, долгожданно прохладный, парусами раздул занавеси на открытой веранде. С ним вместе прилетели обрывки музыкальных фраз, запах свежей рыбы и жареного мяса, оттененный и подчеркнутый запахом горячего асфальта в смеси с ароматом вездесущих здесь роз. Рабочая ситуация была закончена и почти все уже разъехались, а те, не многие, кто по разным причинам задержался, сидели сейчас за этим столом, как сидят во все времена друзья, перед расставанием, перед новой дорогой, в предвкушении новых дел, наслаждаясь этой редкой возможностью совместности.

— Опять же Чернобыль — Мастер продолжал, и его рассказ сплетался с картинками и воспоминаниями присутствовавших и казалось он произносит во всеуслышание, то, что хотел бы рассказать и чем готов был поделиться каждый. — Катастрофа века, можно сказать. Что вспоминать: полную беззаботность и загорание на солнышке первого и второго мая как раз, когда часть облака проходила над Киевом, как потом выяснилось? Веселые замеры радиоактивности на подошвах на стадионе, где тренировались спортсмены, с которыми я тогда работал и опять же всякие веселые анекдоты. Город чистый, потому что моют, полный влюбленных, вина, ведь снова врачи посоветовали. Все нервные срочно уехали в места, как потом выяснилось, не менее радиоактивные.

По событиям и вспомнить нечего. Правда, развалился Советский Союз, рухнула власть Компартии, и я стал выездным.

Нет в моей памяти событийного ряда моей жизни. Все воспоминания это, прежде всего люди, люди.

Правда, было одно странное событие. Я вообще-то человек энергичный, деятельный, активный, азартный, а однажды вдруг обнаружил, что ничего не хочется, что все «хочу» поменялись на «надо»: надо спать, надо что-то делать. Будто угасла вся мотивация. Жизнь представилась в виде скучного занятия, бессмысленного во многом: надо сделать то, надо сделать это... Заранее известно, что

будет, если так сделать. Такое странное занятие — жизнь, тем более что в конце ничего не маячит, кроме смерти. Такой приступ острого экзистенциализма, такая полная инфернальность. Это было очень неприятно.

И тогда я понял: даже если вера это иллюзия, то все равно она имеет смысл, потому что она мотивирует, она позволяет уйти за пределы чистого знания, которое не мотивирует. Она создает такие ценности, постижение и достижение которых, поддерживает интерес жить, желание действовать.

Это был момент, который и породил во мне переживание, что знание, имеющее отношение к человеку, к его жизни, к человеческим отношениям — это смерть. Оно лишает человека мотивации, оно лишает человека какой-либо устремленности, потому что обесценивает жизнь, самого себя, мир, человеческие отношения. Ты все видишь, весь предлагаемый набор, все меню, весь список. «Весь список, пожалуйста!» Вот тебе и весь список, и его критический анализ, когда ты уже перепробовал много чего и когда ты в состоянии рефлексировать все, что с тобой происходит, все, о чем ты думаешь, все, что ты чувствуешь.

Тюбетейка, подарок Великого Мастера, полетела в огонь и долго нетленно лежала в самом центре огромного костра, подобного тому, что разжигали язычники в ночь на Ивана Купалу. Тишина стала плотной, ощутимой, вздох замер на губах тех, кто стоял вокруг. И вдруг загорелась вся сразу, отдельным от костра ровным белым пламенем.

Когда она оказалась в состоянии оглянуться, Мастер уже уходил незнакомой тяжелой походкой, непривычно опираясь на посох. Он поднялся на гору, так ни разу и не обернувшись.

— Что стоите? Разбирайте все — и в огонь.

Голос Юного Мага был тверд, интонации уверены, и они, не задумываясь, начали разбирать постройки и украшения, ритуальные знаки и созданные с таким трудом композиции из сухих деревьев, плетеной травы и цветов и бросать все это в огонь. Никто не произнес ни звука. Любое неверное слово, любой неточный жест мог превратить действие в вакханалию разрушения. Они чувствовали

это и предавали огню плоды своих трудов и переживаний двигаясь, как по лезвию бритвы...

Никто из присутствовавших, так и не смог увидеть смысла и причины ошеломившего всех действия.

— Все эти годы я хотела спросить: почему ты это тогда сделал?

— Некому было передать.

— И тогда я сам себе сказал: «Ты артист! Иди и играй! Может быть, кто-то придет на тебя посмотреть». И это как-то помогло, и потихонечку я начал вылезать и научился придумывать и разрешать себе мотивирующие иллюзии вопреки имеющейся информации, что этого не может быть, а я разрешал, что может быть, и что-то такое стремился делать.

Ресторанчик уже не казался пустым. Переживания, образы, воспоминания заполнили его, и ощущение это было настолько реально, что в очередной раз вышедший из кухни, хозяин оглядывался по сторонам так, как будто не понимал, где посетители, которые, как он был уверен, наконец, заполнили ресторан. Не найдя никого нового в зале, он замер у стойки и так и остался стоять, прислушиваясь к разговору, как будто понимал чужую речь. Да, не напрасно слава о нем шла по всему побережью, не случайно шли к нему люди, сами не понимая, почему идут именно сюда и выбирают именно это место.

— Потом я вспомнил нашего квартиранта, доцента Вильнюсского университета, преподавателя истории и философии. А мне было лет четырнадцать, и у меня проснулся интерес к философии. Однажды он сказал слова, которые я запомнил на всю жизнь:

«Зачем человек живет? — это вопрос некорректный. Он живет, потому что живет. Это факт. А вот как человек живет, строго говоря, это личное дело каждого. В гуманистическом идеале, каждый человек волен жить так, как ему хочется. Но в связи с тем, что люди живут не по отдельности, то «как я хочу» ограничивается тем, как это надо всем. И вот эта динамика определяет все происходящее».

Он замечательный был человек. У него было четырнадцать белых рубашек, то есть каждый день он надевал свежую рубашку. Семь в стирке, семь чистых в шкафу. Первый человек был такой в моей жизни, в те времена и вдруг четырнадцать белых рубашек.

Он говорил, что задаваться вопросом: «Зачем мы живем?» Это все равно, что задаваться вопросом: «Зачем существует мироздание?» Оно существует. И мы живем. Поэтому, если ты хочешь быть продуктивным, то оставайся в рамках факта и ищи ту степень свободы, которую тебе могут дать, или ты можешь взять, или организовать. Творчество ограничено рамками, как картина. Есть рамка или границы холста, вот внутри этих границ все что угодно, но за границами, в воздухе картина не пишется.

Это был мой первый наставник по философии. Он был, между прочим, доктор философских наук, такой убежденный холостяк при этом, что тоже меня потрясло. Мне было лет четырнадцать — пятнадцать, гормоны просто бушуют, а тут взрослый человек, а тут такой интересный человек, с такой интересной биографией, и холостяк по убеждениям. Не просто так, а по убеждениям! Это тоже для меня было уроком, что убеждения могут быть оригинальными и при этом не вызывать какой-то антисоциальной реакции: ну, холостяк, ну, по убеждениям, ну ходит на работу всегда в чистой рубашке.

Мастер смолк, как будто отправился на свидание со своей юностью. Или со своей жизнью?

— Что загрустили? Может споем лучше? — обвела всех улыбчивым взглядом зеленых глаз Птица Певчая. И почти без паузы, следуя молчаливому согласию присутствующих, издала первый тихий и нежный звук. Ее магическое искусство рождало музыку здесь, сейчас, на глазах у всех, превращая в мелодию все, что чувствует она сама и все, что чувствуют люди вокруг, и этот ресторан, и море и небо восхищало и удивляло каждый раз, как в первый. Мелодия росла, развивалась, тихой ровной вибрацией присоединились все присутствовавшие. Мастер, певец и партнер, вступил сильно и уверенно. Они пели себя, свою жизнь и свою радость. И голос неожиданно гармонично и свободно присоединившегося к ним хозяина ресторана еще раз подтвердил, совершенно не

нуждающуюся в подтверждении истину: не надо спрашивать, зачем мы живем, «жить надо!».

Он летел. Черно-синий шелк традиционного балахона, отделанного серебром, сливался с черно-синим небом. Где-то внизу желтым туманом плыли огни городка. Он стоял в арке веранды, раскинув руки, обратившись лицом к небу, и игра света растворила все, кроме этой летящей над землей фигуры. Тихая вибрация женских голосов и неземной красоты голос Птицы Певчей, которая, стоя у дверей ашрама, пела, пожалуй, лучшую свою песню, сопровождали этот полет.

Внизу, в городке был какой-то праздник. Люди, съехавшиеся сюда, как они думали, на зов реальности, праздновали обыденность жизни, получив, наконец, то, зачем приехали.

Он летел.

Нет, не прав был Фауст — даже самое прекрасное мгновение мертво, если его остановить. Беспредельность и бесконечность пространства его полета, неизвестность и отсутствие цели уносили этот момент в Вечность и присоединяли к реальности еще одну каплю Света.

Он летел.

А в это время...

В самом начале третьего тысячелетия, в первый год двадцать первого века, в городе, в котором нет полутонов, а есть только роскошь и распад, в небольшом кичливом особняке на берегу грязно-мутной реки с громким историческим именем, на третьем этаже, куда гости поднимаются по пологой в позолоте и роскошных букетах лестнице, в зале, где барочная роскошь в старорусском вкусе, восстановленная новорусскими деньгами, оттеняет плафон с изображением достижений героев первых пятилеток, за карточным столом, уже который час играл в покер импозантный, чуть грузноватый

господин с красиво вьющимися седыми волосами и элегантной бородкой.

Он был завсегда и [Город Творцов](#).

— Кот, я тебе не машина для глажения! — с наигранной суровостью уже в который раз повторял Мастер в ответ на призывные взгляды всеобщего любимца и баловня, который в позе преданной одалиски устроился рядом с ним и недоуменно поглядывал на хозяина, когда тот отвлекался и переставал выглаживать и без того пушистую и лоснящуюся шерсть.

— Эх, не дал Бог таланта, а то бы непременно написала что-нибудь вроде «Суждения кота Мастера о людях и мире».

Она привычно хозяйничала на кухне, стараясь ни на секунду не выключиться и не потерять ситуацию целиком. Кот, котлеты, кофе, хозяин, белье в стиральной машине, утюг, пылесос.

— Уважаемая, как вы стали ведущим специалистом Традиции в области технологий?

«А вот так и стала: кот, котлеты, кофе, хозяин, белье в стиральной машине, утюг, пылесос. Месту силы изменить нельзя!»

— Главный секрет успеха — практика в формах жизни.

— И все же, что бы вы ни говорили, я не могу этого понять. Казино — это какая-то целая отдельная жизнь у вас. Вы можете ответить на вопрос: Почему Мастер играет на деньги?

Человек, задававший этот вопрос, знал цену деньгам, умел их зарабатывать и, что особенно удивительно, был расчетливо не жаден. Но нечто не постижимое было для него в этой постоянно присутствовавшей теме: Мастер и казино. Он не впервые в той или иной форме задавал этот вопрос, и не удовлетворялся ни одним из ответов.

— Вот вам еще варианты — это место одиночества. Это место социальной работы, это место для внутренней работы, это место для реальной практики, это ситуация для обучения некоторых из учеников, это место игры. Выберите тот ответ, который вам больше всего подходит, или найдите свой.

Предприниматель был молод, пытлив, умен, успешен и неординарен, но он... не понимал. Несчастный европеец наткнувшись, наконец, на стену, где кончается возможность понимать.

— Что ты от него хочешь? У него нет в картине мира представления о том, что может быть Знание для обычного человека в принципе не постижимое. Он, может быть, даже способен воспринять чудо, допустить невероятные магические способности, но непостижимое знание? Для него Мастер — это профессор, ну, академик, ну, дважды академик, но ведь если очень захотеть каждый может стать академиком, а ты пытаешься убедить его в существовании непостижимого.

— Ну, извини, опять романтизм обуял.

— Ставки сделаны, благодарю, ставок больше нет. Нависающие на миг над столом руки крупье совсем неожиданно напоминают крылья курицы, пытающейся прикрыть цыплят — горы разноцветных фишек на зеленом сукне.

— Можно у тебя еще одну сигаретку стрельнуть?

— А что ты уже брал?

— А ты, оказывается, не слишком внимательна.

— Он небрежно бросил несколько фишек на красное... и выиграл.

— *Неужели?*

Она сделала ставку и промазала. Все. На сегодня все. По часам получалось, что с того времени как она стала к игорному столу, прошло четыре часа. Гора выигранных фишек была очень внушительна. Она оглянулась вокруг, медленно возвращаясь в согласованную реальность. Продуманный полумрак казино, монотонные голоса крупье, сигаретный дым, шуршание рулетки, треск падающего шарика, голоса игроков, молчаливые фигуры охранников, голос Фредди Меркури назойливо утверждающего, что «We are the champions», — все это поддерживало ощущение вневременья, созданного для того, чтобы, войдя сюда, человек растворялся и забывал. Она собрала фишки и пошла к кассе.

— Мы так за вас болели.

Кассирши разговаривали почти по-человечески, наверное, скоро утро и конец смены, даже они устали.

— Ну, что наигралась?

— Все-таки иногда удается попасть в ритм исчезающих и возникающих закономерностей.

— Да казино может быть отличной практикой. Здесь все по-настоящему. Да и плата не так уж велика. Всего лишь деньги.

Тот, кто всегда был рядом с Мастером, был на удивление многословен. Впрочем, она впервые с ним разговаривала, впервые слышала его голос и впервые могла его рассмотреть. Он был весь какой-то европейец, изящен, сдержан с легкой улыбкой и холодными внимательными «питерскими» глазами. Она так и не поняла, означает ли этот краткий, почти светский разговор, что что-то изменилось или вообще ничего не означает, или... Левая рука по-прежнему не ведала, что творит правая. Пока она раздумывала, он растворился в толпе, как не был, и только через несколько минут она увидела его привычной тенью стоящим за спиной Мастера, который в одиночестве сидел за покерным столом.

— **Все. Я больше не могу.**

— **Получилось?**

— **Сегодня да.**

— **Езжай, я еще останусь.**

Когда она вышла на улицу, действительно светало. Воздух был жемчужно-прозрачным, а небо серебристо-розовым. Звон первых трамваев показался ей неожиданно нежным и мелодичным, как звон бубенчиков на колпаке у шута.

— **Я всегда хотела спросить: почему Шут?**

— **Потому что все игра, кроме Духа Святого.**

Хаос и неизвестность раскрывали свои гостеприимные объятия, манили и звали, и сладостный этот зов был соблазнителен, и обманчив, как тепло, которое посылает смерть замерзающему в снегу. Люди стояли над этой бездной,

опираясь на тонкие лучи Света, и он простирался перед каждым из них для кого только на шаг вперед, для кого на несколько шагов и каждый был сам по себе. Они стояли, как стоят на ветру, не боясь его, не заслоняясь и не запахиваясь.

Часы на площади пробили четыре и еще три четверти. Четыре часа сорок пять минут. Утро.

В Петербурге в это время сводят мосты.

— И все-таки Премудрая была права, когда говорила, что за тебя, как в монастырь.

Жемчужное небо страны, где все когда-то начиналось, окутало ашрам мягким влажным покрывалом. В этом мягком переливающимся свете каждый ствол, каждая ветка на старой яблоне, каждый лист на ритуальном дубе казались прорисованными терпеливыми художниками старой школы.

Впервые за двадцать лет Мастер молча, спокойно соглашаясь, кивнул в ответ на эти слова. Только сейчас, здесь, пройдя по спирали не малый путь, она увидела о чем, действительно, говорила Премудрая. Уж, конечно, не о мужчине и женщине, и не о жизни человеческой.

Они стояли на склоне холма, на самой высокой точке этой благословенной зеленой земли, где все продолжалось.

Спираль раскручивалась плавно и упруго. Мир заполнился светом всех оттенков огня. В нем было все.

На зеленой поляне на самом краю этой ни на что не похожей усадьбы, отражаясь в десятках зеркал магического преобразователя энергии, восемнадцать посвященных, гвардия Мастера, длили и длили ритуальный танец. Как и все здесь, он был узнаваем и ни на что не похож, как узнаваем и не на что не похож этот удивительный мир, который свет вылепил из тьмы.

Спираль расслаивалась на тонкие нити, одни яркие и ясные, другие слабые и хрупкие, они струились, соединяя в единое

существо совершенно разных, не знающих друг о друге, живущих подчас в совершенно непохожих мирах, людей.

— С некоторых пор я ясно вижу, что все женщины в твоей жизни, которые от судьбы — это одно и тоже существо, и все мужчины, которые от судьбы в моей — одно и тоже существо, и есть люди, и некоторых из них я знаю, с которыми я — одно и тоже существо. А еще я, вижу, что и ты сам, и те, которых ты называешь своими братьями и еще некоторые, которые были до тебя — это одно и тоже, существующее непрерывно во времени и разбросанное в пространстве существо.

Спираль продолжала жить своей жизнью: скручивалась в точку, раскрывалась подобно цветку, сжималась, собирая энергию для следующего импульса, — все это длилось и пребывало во времени и пространстве, не останавливаясь ни на секунду.

Я тебя поздравляю. Это и есть мистерия. Ты ее увидела. Теперь живи так.

Ты мне поможешь?

Помогу.

Санкт-Петербург. 2001 — 2003

ГЛАВА ВТОРАЯ. И НЕ МУЖСКОЕ ТОЖЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Люди обладают поразительной способностью всегда чего-то ждать. А пока они ждут, их шансы, их возможности и их желания просачиваются в прорехи и щели между быстро текущей жизнью и их застывшими ожиданиями не заметно, как мука из дырявого мешка или масло из двигателя. И когда наступает момент печь долгожданный хлеб или трогаться в путь, оказывается, что уже нечего печь и не на чем ехать.

Хотеть и ждать — два родственных и совершенно пустых занятия, отнимающие у людей настоящее. Они уводят их в будущее, которое никогда не наступает, потому что человек всегда живет в настоящем. Они лишают его полноты настоящего момента и отнимают силы и желание быть и делать, создавая иллюзию, что время ЕСТЬ. И человек листает календарь и пересчитывает даты до долгожданного будущего, а реальность неумолимо подсовывает ему настоящее.

Она приехала в эту усадьбу ровно год спустя после последнего посещения. Количество внешних и внутренних событий, которые уложились в это отмеченное календарем время было столь велико, что она уже давно привыкшая измерять жизнь внутренним временем, часто путалась в датах и последовательности событий, сталкиваясь с размеренным и таким неспешным временем согласованной реальности, которую люди, живущие с опорой на внешние события, считали временем бешеной гонки.

Здесь же все пахло вечностью, скошенной травой и цветущими травами. События внешней жизни, еще вчера такие важные, очень быстро переставали иметь значение, и когда город, наконец, отпускал, происходило то, ради чего так тянуло сюда — все, что происходило внутри и в действительности и было самым главным, наконец, освобождалось от завесы внешних, наносных потребностей.

Запах вечности становился все явственней, сливаясь с запахом свежескошенной травы, только что выловленной рыбы и влажной, обильно политой дождями земли.

Вот уже третьи сутки девять взрослых, крепких мужчин, которые «совершенно случайно» съехались в эту заколдованную усадьбу одновременно и именно в таком составе маялись бездельем, слонялись из угла в угол, то прячась от дождя, то вылезая на солнце. Иногда они принимались что-то лихорадочно делать, следуя указаниям степенных храмовников или просьбам хлопотливых хозяев. Все это называлось очень просто: они ждали Мастера.

А в это время человек, которого они так называли, никуда не исчезал. Он жил в своем доме на территории этой же усадьбы. На зорьке отправлялся ловить рыбу на озеро, после обеда — таскать карасей в пруду. В любую погоду разгуливал в тонких шортах и постоянно с загадочной целью менял бейсболки и панамки. Тело его покрывалось ровным золотистым загаром, он, казалось, не имел возраста и только седые, элегантно подстриженные кудри и борода давали людям возможность говорить о его не малых, должно быть, годах. В свободное от рыбалки время он рисовал свои загадочно-притягательные картины. И никого и ничего не ждал.

Луг был прекрасен. Сочное, колышющееся на ветру разнотравье, переливалось всеми оттенками зеленого, радовало глаз горожан и напоминало искушенным в крестьянском труде, что пора косить. Уже довольно долго с веранды своего дома Мастер наблюдал, как молодой храмовник осваивает не простую профессию косаря. И как один за другим, с небольшими промежутками, бросая свою работу, к нему подходят местные строители и, выхватив косу, сначала на чем свет стоит ругают того, кто дал ему такой плохой инструмент, потом каждый по-своему затачивают его, и с молодецкой удалью, красуясь друг перед другом, принимают косить, не столько стараясь научить, сколько хвастаясь своим умением. И если бы юноша преследовал целью не научиться, а просто скосить луг, и время от времени вежливо с благодарностью, но твердо не забирал бы у них косу, то они бы вполне справились с этой задачей.

— Ну, что? Все тебя уже поучили?

Мастер явно довольный увиденной картиной сам спустился на, наконец-то, скошенный луг.

— Люди все одинаковые. Только позволь им себя поучить. И все. И они твои. Только один из тех, кто называл себя моим учеником, сумел не дать мне ни одного указания и не сделать ни одного замечания в течении целых семи лет. Человек продержался целых семь лет. Почти не вероятно.

Надо подать заявку в книгу рекордов Гиннеса.

Нависла, как туча, и затянулась пауза.

— Все эти годы вы учились решать свои личные проблемы, решать социальные задачи, тренировались, учились познавать мир через переживания, изучали новую картину мира, новую картину человека, строили новые отношения со своей воплощенностью и ныли, ныли, ныли. Как тяжело! Как плохо! Как трудно!

А в это время ваш Мастер, счастливый и жизнерадостный, освоил три новые профессии. Может не спать по трое суток. Но вы всегда говорите — это же Он.

А теперь так не выйдет.

Респектабельная публика в уютном зале, уютного дворца, в маленьком уютном городке, маленькой уютной европейской страны, так гордящейся тем, что большие и неуютные, но сильные, наконец, приняли ее в свою компанию. Респектабельная публика умильно и с самоуважением пришедшая послушать знаменитого и уважаемого господина, пребывала в шоке.

— Теперь нужно говорить — мы как Он. И лучше, чем Он, и больше, чем Он. Как видите все очень просто. А чего же я тогда три года обнулялся? Так что касается меня, среди вас я буду ориентироваться по этому признаку. По самым простым вещам. Если я хожу в шортах, и на мне больше ничего нет, значит, я буду опознавать своих по отсутствию другой одежды на них.

А то до сих пор было как: я в шортах, босиком, а вокруг все в свитерах, сапогах. Ученики! Я не сплю сутки, медитирую, а вокруг все

дрыхнут. Ведь как мне сложно было в жизни, а теперь просто.

Я не сплю сутки, и он не спит сутки. Ученик.

Я босой хожу по снегу, и он или она ходят босые по снегу.
Ученики.

— Ты лишил их юности! Вечная заступница Птица-певчая, была не на шутку возмущена.

Дверь только что закрылась за четырьмя молодыми людьми, про которых никто еще не знал, что вскоре окружающие будут называть их «великолепной четверкой» и «мушкетерами», вынося на них все романтические проекции и представления о мужской дружбе, верности избранному делу и данному слову, а сами они скромно назовут себя «леопарды». Они вышли из этого дома, где только что приняли решение, которое должно было сделать их и тем и другим. Мужчинами. Их время начиналось.

— Я же говорил, я же говорил!

Надо еще посмотреть, как оно в конкретике будет выглядеть.

Атаковать надо! Атаковать!

Да, кажется, началось!

— Ну да, говорил он, поговорить ты всегда мог. Посмотрим, как ты делать будешь.

— Вот теперь и посмотрим, какой ты деятель.

— Теоретиком-то прикидываться — это не бабки зарабатывать.

— Атаковать он спешит, такое дело сделать — это не розами на базаре приторговывать.

— Ну, отцы, выдавать будем жестко!

В пространстве слышался звон мечей и разрывы снарядов, ржание лошадей и рычание танковых двигателей, победные крики, крики ужаса, боль, стон, удар из-под тишка, незнание, растерянность, безумная отвага, и уверенность в себе. Все это клубилось и переливалось, выплескивая в мир, то одно, то другое. Все уже случилось, но они еще об этом не знали.

— Ты знаешь, они постоянно сетуют на то, что ты мало занимаешься мужчинами. Все женщины и женщины.

— Ты всегда их романтизировала, поэтому постоянно разочаровывалась. Имела мужество увидеть, что такое женщина. Наберись смелости увидеть, что такое мужчина.

Зачем мне ими заниматься? Они так азартно занимаются мной. Они объясняют мне, что я ничего не понимаю в экономике, что я не правильно играю, не совсем так как надо себя позиционирую, не очень умело рисую, да и петь мог бы талантливее.

Они ничему не начнут учиться, пока не перестанут соревноваться с «папой», пока не повзрослеют и не признают, что «не знать» и «не уметь» — это следующий шаг после «я сам». А пока. А пока мы будем продолжать играть в уважаемого, но не очень умелого папу и умных, талантливых сыновей. Игра только начинается.

Он проигрывал, они выигрывали. Они выигрывали и с победно-виноватым видом «подтаскивали патроны», чтобы он мог дальше играть.

Он сидел за карточным столом, талантливо играя роль завязатого игрока, которому сегодня катастрофически не везет. Он раздражался, нервно сбрасывал карты, не вовремя увеличивал и уменьшал ставки, то принимался оживленно болтать с крупье, то угрюмо молчал, иногда даже обвиняя их в злонамеренности.

Они выигрывали.

В дыму сигарет, треске рулетки, ругани проигравших и радостных возгласах победителей, среди азарта и расчета, скуки, раздраженья и расслабленного безделья, в этом мире, где все так вывернуто, что не понятно чем гордятся больше — большим выигрышем или немалым проигрышем, уже который час шел урок. Один из тех, о недостатке которых, так часто сокрушались эти мальчишки.

Они выигрывали, он проигрывал. Энергия, которую они сами не умели еще ни брать, ни производить, текла в них сквозь него, и он не переставал радоваться, что они научились хотя бы пользоваться тем, что дают. И ждал.

— Ну, что там?

Она привыкла к этим звонкам Молодого Льва с поля битвы, раздававшимся в самое неожиданное время суток. Она ждала их, получая в этой ситуации свои уроки и совершенно исключительный опыт реального пространственного взаимодействия.

— Не знаю, не знаю. Суммарно вроде, как все и нормально. Но как-то ему совсем не везет. Я предлагал ему может отдохнуть, может закончить. Ну... не знаю, не знаю.

— Ну, что?

— Они звонят, они что-то начинают чувствовать, но еще не в состоянии увидеть? Ты долго еще намерен кормить их собой?

— Пока будет надо.

— И долго еще будет «надо»?

— Не волнуйся. Я — справлюсь. Если почувствуешь, что правильно, можешь при случае им кое-что подсказать.

— Послушай меня. — В этот раз она сама позвонила Молодому Льву. — Спина к спине, спина к спине. Энергия общая на всех. Традиции мужского боевого круга неизменны. Не оставляйте ничью спину не прикрытой. Спина к спине!

— Ох уж этот твой неизбывный романтизм!

Но ведь сработало!

Сработало, не спорю.

Вальяжные, уважаемые, дорого и со вкусом одетые. Молодые, успешные, хоть сейчас на обложку журнала, они сидели в открытом кафе, как воплощение своего времени.

— Если мы не увидим, зачем нам это нужно, ничего не получится.

— Нам никогда не давались деньги ради денег.

— По уму-то все красиво получается, но не резонансно как-то, и прибавки энергии не чувствуется.

— Банально все это, отцы, банально.

Уроки начали приносить свои плоды.

— Иногда ты кажешься мне поездом, который движется к только ему одному известной цели. И даже расписание его движения не известно никому. Богу, разве что.

Они сидели на одной из бесконечных кухонь, случавшихся в их жизни. Ужин съеден, посуда вымыта. Последний кофе перед тем, как уйти... и несколько подарочных минут для разговора на свободную тему.

Люди входят в него иногда потому, что именно его дожидались давным-давно. Иногда, чтобы хоть куда-нибудь ехать, а там будь, что будет. Иногда по ошибке. Они суетятся, осматриваются, радуются возможности ехать, капризничают и громко возмущаются недостаточным комфортом и непомерными ценами. Привыкают, начинают обживаться. Так увлекаются устройством своей жизни, что перестают смотреть в окно и вообще забывают, что это поезд. Некоторые спохватываются, пытаются сорвать стоп кран и выскакивают на первой попавшейся остановке.

А поезд продолжает следовать, все также придерживаясь даже ему самому неизвестного расписания.

— Я никогда не обманывал никого в этом. Я всегда честно признавался: я делаю свои дела. Те, кому интересно, могут присоединиться. Многие делали свои более или менее искренние попытки и находили в этом свое дело и свое творчество, и оставались. Иные, сделав все, что хотели, уходили, открыв для себя свои, новые дела. Другие, втянутые энергией общего энтузиазма, разочаровывались, обнаружив себя в чужом деле, и тоже уходили, обвиняя меня во всех смертных грехах, им так было легче сохранить самоуважение.

А я? Я продолжал в меру сил и собственного понимания делать свои дела.

Ровное жужжание выпущенной из тугого лука стрелы, неуклонно движущейся к ей одной ведомой цели, наполнило

пространство музыкой неколебимого устремления. Завораживающе-хаотичный танец искр и всплесков, мгновенных всполохов и длинных переливающихся изгибов скрыл за суетой и пестротой неумолимость и неуклонность движения. Игра разнообразная и соблазняющая, рожденная, чтобы скрывать и отвлекать праздных и суетных, пока летит стрела.

— Мы можем взять только вас. Остальные нам, извините, не интересны. Нас устраивает только Ваш уровень подготовки. Не тратьте на них силы. Мы предлагаем Вам профессиональный театр, разве это не Ваша мечта? Вас ждет блестящее будущее.

— Спасибо, но нет.

— Я Вам настоятельно рекомендую сосредоточиться только на этих исследованиях. Вы должны оставить все побочные занятия. Вас ждет блестящее будущее.

— Спасибо, но нет.

— Да брось ты эту чушь! Петь он надумал! Я создам под тебя лабораторию, тебе ни в чем не будет отказа. Только работай. Тебя ждет блестящее будущее.

Спасибо, друг, но нет.

— У Вас есть редкая возможность развить Ваши необыкновенные способности, и одновременно принести пользу государству. Подумайте, что Вы теряете. Вас ждет блестящее будущее.

— Благодарю.

— Благодарю — да, или, благодарю — нет?

— Благодарю — нет.

Звук становился все выше, тоньше и напряженней. Почти на пределе слышимости. Так же на пределе слышимости возникли раскаты низких, рокочущих вибраций. Пустота между ними искрила, как электрический разряд. Напряжение казалось не

возможным, не выносимым. Но постепенно высокая и низкая вибрации начали расширяться навстречу друг другу, обретая краски и оттенки, сближаясь и вбирая в себя напряжение и пустоту. Наконец, они встретились и слились. Слились, породив единую мелодию полноты, свидетельствуя присутствие и благодать.

Она так давно не путешествовала и так давно не была в этом городе, что позволила себе почти туристическую прогулку по памятным местам. В отличие от многих других городов, где ей доводилось бывать, в этом городе у нее не было главной точки — это был Город. Пестрый, разнообразный, веселый, полный энергии, красивых зданий и красивых женщин. Город, воспоминания о котором, почему-то всегда были воспоминаниям о лете, хорошей погоде, высоком небе и деревьях в цвету. Он был по— европейски ухожен и хорошо освещен и совершенно по-славянски жизнелюбив, шумен и во всем слегка через чур.

Ей всегда было интересно, чтобы подумали о человечестве инопланетяне, приземлившись они на стадион в такой момент. Внутри его огромной чаши шли последние тренировки перед главными соревнованиями года. Участники всемирного эксперимента под названием спорт высших достижений, а в просторечии спортсмены, заполнили эту чашу и, не обращая, казалось, друг на друга внимания, совершали всевозможные телодвижения, заполненные только им одним ведомым смыслом. Это только в случайно сошедшейся толпе люди кажутся приблизительно одинаковыми и воспринимаются как представители одного вида легко и практически без сомнений, а здесь, те, кто собрался на стадионе, воспринимались как результат долгой и тщательной селекции.

Худые и высокие в одном углу. Плотные, коренастые, небольшого роста в другом. В третьем — высокие, грузные, неспешные. Вот группа, состоящая в основном из щуплых, невысоких и жилистых, а вот компания среднего роста с довольно рельефно развитыми мышцами.

На тех местах, которые в дни публичных зрелищ заполняются зрителями, сгруппировавшись в соответствии со своими интересами, расположились те, кто ставил и готовил этот эксперимент, те, кто был финансово и лично заинтересован в его проведении и результатах.

— Ну, что твой колдун?

— Не колдун, а психолог.

— Ну, я же говорю колдун. Результаты-то будут? Слушай, а если он действительно такой крутой, то почему бы ему просто не «повырубать» всех соперников и не мучиться. На соперников-то, говорят, маг известный работает, у китайцев учился, обещал всех отморозить.

— Отвяжись. Сколько можно объяснять, он занимается психологической подготовкой ребят.

— Ну, ну. А прыгать-то они от этого лучше будут?

Только в таком городе, где все верили в колдовство и магию, но не теряли здравого смысла, где каждый уважающий себя бизнесмен спешил завести личного астролога, а большинство магов и колдунов легко могли дать фору опытному бизнесмену, где каждый год праздновали весеннее равноденствие на Лысой горе, а «ведьма» никогда не было ругательным словом, мог найти работу и прибежище человек, чьи необыкновенные способности не были тайной для тайных служб, но который не пожелал использовать их вопреки своей вере и убеждениям.

— А вы Господа сегодня славить будете? — Пожилая уборщица всегда задерживалась перед их репетицией под любыми предлогами, чтобы услышать, как актеры распевают «Славим тебя, Господи наш!», готовясь к премьере первого в его новой жизни спектакля. — А то я подруг позвала, пусть тоже послушают. Вы ведь не рассердитесь? — вдруг спохватилась она.

Голова закружилась, легкая тошнота подступила к горлу, в пространстве плавала какая-то муть, как будто поднятая со дна болота, она то сгущалась, то отступала, но не исчезала окончательно и город вдруг показался ей не таким уж праздничным и

доброжелательным и повод, по которому она сюда приехала, тревожно всплыл в памяти.

— Проснись, красавица, проснись! Ты где находишься, совсем разомлела в туристическом кайфе!

— Вот это да! Первую же проверочку и прозевала.

— Ты спасибо скажи, что с тобой еще поделикатничали. То ли всерьез не принимают, то ли тактику сменили. Туристка она видите ли. А кто работать будет??

— Ну, что я могу сказать? Профукала. Который раз на переездах пролетаю.

— А кто над Кастанедой вечно потешается: «смогу ли я когда-нибудь вернуться в Лос Анжелес?» На себя посмотри, который раз уж пытаешься куда-то вернуться.

Тошнота отступила, муть рассеялась. Ведьмы на Лысой горе весело хихикая, продолжали свои игры.

— С приездом, подруга!

— Ты, что уже субъект, чтобы со мной разговаривать, кто ты такой, чтобы приходить без звонка и навязывать мне свое общество, когда, я совершенно не имею желания не только с тобой разговаривать, но даже просто видеть тебя.

Юный Посланник, совершенно растерявшись мялся в дверях и у же в который раз пытался объяснить, что он со всем почтением, но здесь он не по собственной прихоти, а по просьбе Мастера, и если бы не эта уважительная причина, он бы никогда, ни за что и ни коим образом... Да и вообще как можно прийти, предварительно позвонив, в дом, где нет телефона.

Но Барина явно несло, и он сам уже чувствовал это, но найти способ остановиться, не потеряв лицо, у него ни как не получалось. Он захлопнул дверь перед носом, так и не выполнившего свое поручение Посланника.

— Ни уважения, ни почтения. Каждый щенок думает, что он может просто так прийти и у меня найдется для него время.

Он достал из холодильника мгновенно запотевшую бутылку какого-то местного элитного алкоголя, привычным точным движением налил в старинный фамильный бокал. Сделал многозначительную паузу, подчеркивая, что сейчас не просто водочки выкушает с нерва и устатку, а совершит некий глубокомысленный и сокровенный ритуал и выпил залпом, действительно элегантно и с достоинством.

Она знала его давно, еще с начала времен. Он бы один из немногих, кто знал ее роль в этой мистерии, хотя на людях, как и Птица Певчая делал вид, что знает ее едва. Когда их свела судьба, он еще не был Баринном, хотя дворянская кровь, семейное воспитание и внешность уже тогда создавали особенность его звучания и поведения. Он всегда выглядел решительным, сильным и уверенным в себе. Он умел обворожить и увлечь, и был способен на неординарные поступки. Им очаровывались женщины и его уважали мужчины. Вот уж, во истину, редкое свойство.

— Что-то я не поняла...

— Да, ну их. Есть о чем говорить. Лучше расскажи ты-то как, все странствуешь, Око Государево? Как Мастер?

— По-моему Посланник только что собирался тебе что-то о нем рассказать.

— Перестань, что может рассказать мне этот мальчишка.

Сгустки энергии тревожного багряного цвета хаотично носились по комнате, ей никак не удавалось выровнять и успокоить пространство, все-таки хозяин был необыкновенно силен, да и не ощущал в этом хаосе, по-видимому, ничего тревожного.

— Эти молодые, они никого не уважают, и ничего не ценят. Разве нас так учили. Помнишь, через какие раскрутки проводили меня Сказочница и Законник, а я уже тогда был не мальчик. А ты сама. Ты помнишь, как мы встретились?

— Это были просто не преодолимые объективные обстоятельства. Ты сам выбрал прочесть их, как личный вызов.

— Мы жертвовали многим, у нас было чем, но мы ни о чем не жалели, и они еще смеют нам что-то говорить.

Он длил и длил этот монолог, обращенный совершенно ни к ней, он напористо вел с кем-то затянувшийся спор и все не находил последний самый веский и убедительный аргумент. Она слушала и потихоньку оглядывалась. Пространство, в котором Барин жил было странным и неожиданным. Превращенная в эстетику смесь полного, подчеркнутого небрежения к быту, подлинных, старинных вещей, скорей всего семейных реликвий и торжественно развешенных по стенам дилетантских живописных работ самого хозяина. Да, пожалуй, этот своеобразный, но притягательный эстетизм во всем, что делал этот человек, и было подлинным воплощением его магического дара.

— Ты давно не был у Мастера, — попыталась она перевести разговор.

— Я прекрасно его слышу, и он это знает.

Перевести разговор не получилось.

— Ладно. Ты у нас умный. Делай, как знаешь, но прошу тебя об одном: не записывай меня в ваш клуб ветеранов орденосцев. Я для него не подхожу.

— Чего он так испугался?

— Себя, романтичная ты моя, себя.

— Но он всегда был так устремлен, так неколебим, так победоносен. Краса и гордость, можно, сказать.

— Я не могу тебе сказать на что конкретно наткнулся он в своем внутреннем путешествии, он не обращался ко мне за помощью и ничем не делился, но то, что его состояние и поведение свидетельствуют о крайней степени страха перед дальнейшим знакомством с самим собой не вызывает у меня ни малейшего сомнения. Жаль, если он не справится с этим.

— А помочь?

— А он, что просит?

— Я помню, конечно, помню: не помогай, если не просят. Не живи чужой жизнью, не взваливай свою на других. Во всяком

случае, стараюсь помнить.

— Снять дистанцию, впустить человека в себя — это все, что нужно сделать, чтобы действительно увидеть Другого, как Другого, потому что как только вы это сделаете, между вами, как таковыми и другим, как таковым ничего не будет, исчезнет кривое зеркало вашего восприятия и ваших проекций, вам не в чем будет видеть отражение своих проекций и вы вынуждены будете видеть другого, каков он есть.

— А как я могу быть уверен, что это действительно другого я впустил себя, а не насочинял очередные проекции?

— Это так страшно, что не ошибешься. Поверь мне.

— Ничего себе критерий.

— Я вам больше скажу, еще труднее и еще страшнее, воспринять себя, как другого и впустить этого другого в себя, снять дистанцию с самим собой и познакомиться с самим собой, наконец. Вот задача достойная истинно устремленного человека.

— А с тобой, с тобой-то как познакомиться?

— Да так же. Впусти меня в себя, и я буду там жить, как и любой другой, с кем ты имела смелость снять дистанцию.

— А чем собственно, по большому счету, я занимаюсь все эти годы, но ты так быстро меняешься, может у меня там, куда впускают места мало для такого как ты?

Тогда займись расширением территории своей субъективной реальности, в любом случае занятие не бесполезное.

— Нужно просто открыться и впустить человека в себя, ты никогда не ошибешься, общаясь с ним, потому что станет не важно, как часто вы видите, потом что там, внутри тебя, он живой, не описание, не представление, не воспоминание.

Печка постепенно разгоралась. Уже отремонтированное, но еще необжитое помещение. Две небольшие комнатки и холл. Первое официальное место работы, после многих лет скитаний. Оно было

прекрасно, уютно и даже люстра была сделана мастером стеклодувом по эскизу и специальному заказу.

Она вернулась в настоящее, где Мастер продолжал свою беседу, растерянная, ошеломленная этой повторяющейся ситуацией, несомненно, упустившая нить беседы с одной только затмившей все мыслью:

— Господи, я ни чему не научилась!

— А зачем это, вообще надо? Другого видеть, себя, как Другого воспринимать и знать? Живут же люди без этого и часто совсем не плохо живут?

— А ни зачем. Это нужно только тем, кому надоело жить в окружении самого себя. Зачем путешествовать, зачем переживать огромность мира, зачем переживать горы и пустыни, другие города и страны? Ни зачем. Просто, потому что есть такое желание.

Юный Маг всегда руководил ситуацией с мягкой улыбкой и твердой рукой.

— Мы ждем вас там, где ждем. Вы встраиваетесь и приходите к нам, там и поужинаем. Сейчас кинем жребий и каждый принесет на место встречи то, что ему выпадет по жребию.

Ну, что ей могло выпасть по жребию, который они тянули из рук Мага? Донести ведро с водой для чая туда, неизвестно куда, где он ждал неизвестно где. Вам никогда не доводилось спускаться с двадцатиметрового песчаного обрыва в туфлях на каблуках и в единственной приличной юбке, в сумерках с такой ношей?

— Так выйди из игры. Кто тебя заставляет?

— Мне так хочется почувствовать себя своей.

Узкая юбка с жалобным треском разорвалась почти до пояса.

— Ну, что? Почувствовала?

— Но у меня получилось. Я нашла их, и вода в ведре еще оставалась, и чай мы попили, мало, у кого получилось.

— И что?

Законник и Сказочница с полувзгляда и полуслова, понимая друг друга, раскручивали и раскручивали пространство. Они разговаривали на одном им понятном языке, об одних им известных вещах, не забывая время от времени дружелюбно улыбаться и делать вид, что ее присутствие имеет для них хоть какое-то значение. Они были расчетливо беспощадны. Или по детски бездумно жестоки?

— **Тебе так хочется быть принятой в эту песочницу?**

— **У меня никогда не было друзей.**

— **Вспомнила бабушка девичник!**

— Надеюсь, вы обязательно придете.

— Мы Вас очень ждем.

— Мы так вам всегда рады, почему Вы так редко приезжаете к нам.

— Они зовут меня совсем не ради меня, а ради какого-то моего придуманного авторитета и ими же сочиненного особого статуса. Они просто боятся меня!

— Ну, уж нет, дорогая моя, это ты их боишься.

— Я!

— Иди, иди к ним, что ты ко мне прилила. Я старый, мне отдохнуть надо. Великий не шелохнулся, продолжая лежать на кровати, но она рванулась к сидящим на улице под навесом так, как будто ее сильно и безжалостно пихнули в спину. Перешагнула порог и остановилась, как вкопанная. Три пары неприязненно удивленных глаз были как непреодолимая стена. Она обернулась, ища защиты и поддержки. Лицо Великого, что каменная маска, неподвижно и безразлично.

— Ну, так кто у нас здесь кого боится?

Мягкий, интеллигентный, профессионально интонирующий голос. Завораживающие вибрации, постоянные, совершенно сбивающие с толку извинения, за то, что уже может позволить себе не учитывать наличие или отсутствие у слушателей способности понять его слова. Короткие острые взгляды, когда каждому из присутствующих

кажется, что этот взгляд предназначен именно ему. Характерное движение рук, которые опираются на стол не ладонью, как это чаще всего бывает, а тыльной стороной — ассана по прозвищу «тюленьи лапы».

Мастер. У себя дома. В ашраме.

— Сколько я себя помню, с ранней юности меня смущали и глухо раздражали разговоры про любовь, тосты за любовь, песни о любви. Мне всегда чудилось, что они о чем-то не том говорят, как-то не так. В период, который принято называть юношеским романтизмом, я точно знала, что полюбить — это умереть. И наткнувшись на недоумение и страх, спрятала это знание так глубоко, что даже сама очень долго не смела о нем вспомнить. Этот страх в глазах окружающих, стал страхом в моих глазах.

Она говорила все это, волнуясь и преодолевая смущение, под пристальным взглядом Мастера, который ничего не отвечал, но не прерывал и не отводил взгляда. И ныряя, как в ледяную воду, пан или пропал, и будь, что будет, она продолжала, сама уже не в силах остановиться и отвести взгляд.

Цена этого испуга оказалась так велика, что только сейчас, под твоим руководством и с твоей помощью я решилась вытащить его на свет и признать, а теперь вот пытаюсь от него избавиться. И чем тоньше становится его пелена, чем прозрачнее покрывало, тем явственнее вижу, что во мне ничего не изменилось.

Он продолжал молчать.

— Выговорись, наконец. Ты же утверждаешь, что пытаешься уничтожить свой страх. Так чего ты боишься? Что я с тобой не соглашусь? Что с тобой не согласятся остальные? Или ты лжешь и это не твое видение и переживание, а попытка выглядеть интересной в моих глазах и глазах остальных. Тебе все еще так важны внешние плюс подкрепления? Выговорись, наконец.

— Я вижу, что любовь и смерть суть одно. Только знание о том, что умирает, что сгорает в огне этой любви и видение того, что после этого пожара остается, дает силы не отступить. В конце концов, все оказалось так ясно, так просто — сначала нужно умереть, или, чтобы снять пафос, «обессебениться», а потом можно говорить. Нет, не

правильно, потом уже ни о чем говорить не нужно, потом просто открывается любовь.

Огромное светящееся, полное покоя и напряжения пространство раскрылось, и она ощутила себя у порога и услышала, как смолкла ее речь. Лишь на долю мгновения задержалась она у этого порога и шагнула и почувствовала, как в это самое мгновение оно вошло в нее, и она даже услышала, как шевельнулось на краю сознания — «это не возможно». Но все уже произошло и начало жить, пульсировать и взаимодействовать по неведомым ей законам, про которые она знала только одно — это прекрасные законы.

— Сама идея, что не все в жизни гладко, хорошо и правильно, она уже, практически признание, что в жизни что-то не хорошо. Слишком много страданий, неудач, боли, разочарований, и совсем мало радости.

— Не кому радоваться — субъекта нет.

Похоже, он говорил уже давно. Было слышно какие усилия предпринимают слушатели, чтобы сохранить внимание, то, отвлекаясь на жужжащих провокаторов-комаров, то, делая вид, что что-то записывают, иногда коротко задремывая, а некоторые, борясь с сознанием, которое не желало, ничего этого знать, и просто выключалось, принимали сложные и неудобные позы, чтобы его обхитрить.

Так вот, за пределами этого существует то, что в словах называется Вера и Любовь. Я уже говорил, что с психологической точки зрения Вера — это, когда тыходишь в кого-то или во что-то, а Любовь — это, когда ты в себя впускаешь кого-то или что-то. Когда Любовь и Вера совпадают, рождается то, что в словах называется Мудрость.

И Вера и Любовь это романтизм, обладающий колоссальной трансформацией, преображением. Именно эти два, совершенно романтических момента, присутствуя в жизни любого человека,

делают знание живым, а романтизм — мудрым. И тогда возможно изменение отношений с реальностью и с собой тоже. Что собственно и есть трансформация и на уровне рационального.

Когда система управления, основанная на самоконтроле, сменяется системой управления, основанной на том, что называется самосознанием, а на языке романтизма, на котором, надеюсь к твоей великой радости, мы сегодня разговариваем, гораздо лучше взять романтический термин, трактуя его абсолютно реалистически. И этот термин существует. Дух!

Два огромных, гармоничных в роскошной листве дуба образовывали Врата, одновременно охраняя вход. Высокая сочная трава, которой разная высота и многообразные оттенки стеблей предавали вид живого, ручной работы ковра, который безжалостные персидские мастера выбрасывают на дорогу, под колеса повозок и копыта ослов и лошадей, чтобы сошел с него глянец и блеск новодела и пролежав так некоторое время, потом, вымытый и высушенный, он приобрел бы мягкую нежность и благородство цвета, за которые ценители во всем мире готовы вот уже сколько веков платить огромные деньги.

— Вера живая — это войти в Дух! В пространство, обозначенное этим словом. А Любовь живая — это впустить пространство Духа в себя! В свою субъективность. Если это произойдет, произойдет Преображение Господне или просто Преображение, которое на скучном языке называется трансформация. И тогда человек обретает Бытие...

Это был уже не тот интеллигентный голос профессионального актера, который доброжелательно беседует с приятной ему публикой. Это была вибрация, ограниченная словами, как ограничен чашей огонь, чтобы его живая и опасная сила не разрушила то, что была предназначена породить.

И тогда, превратности и несовершенство устройства под названием «совместная жизнь людей» не смогут разрушить вашу

субъектность, и вы никогда не станете «консервой» или «живым трупом». Вы обретете бессмертие не как некую бесконечную протяженность конвенционального времени, а как бессмертие при жизни: пока живу — я бессмертен!

Манящий свет Врат вспыхнул с невыносимой яркостью, и Свет этот не изливался, а как сверкающая дорога, указывал Путь. Он был плотен и прозрачен одновременно, он был так невероятен и так вымечтан, так знаком. Души рванулись, но люди замерли.

— Мастер, а мы жизнью жить будем?!

Тысячи раз описанный восточный базар. Фрукты, овощи, переливы красок, ароматы, изобилие. И все-таки — это только фон. Люди. Люди восточного базара. Старухи с огромными плетеными корзинами, полными винограда и лепешек на головах, увлеченные перемыванием косточек всех родственников и знакомых. Дети и старики, сидящие на ковриках в ожидании покупателей, в позах, которым позавидует опытный йог, а уж бедный европейский раздражитель просто умрет от зависти. Загадочные и важные продавцы каких-то загадочных и очень полезных снадобий и окруженные мешками с разноцветным и разнообразно пахнущим содержимым степенные как алхимики, продавцы специй.

— Что ты идешь, как ни в чем не бывало? Ты, что не представляешь, сколько женщин сейчас тебе завидуют? Я, между прочим, здесь очень известен.

Великий послал ее на базар, и велел Бойцу сопровождать ее, чтобы не украли. Почтение, с которым тот принял поручение, было столь демонстративным, что наводило на мысль о том, что же ему стоило сопровождать эту нелепую, совершенно не в его вкусе, не повышающую своим видом его статус не только Бойца, но и красавца-мужчины, женщину.

— Что вы все таскаетесь сюда? Приключений на свою голову ищите. Это Азия, здесь правильное отношение к женщине. Сиди

дома, живи тихо, слушайся мужа. Великий слишком добр, да и стареет.

Она молча протянула ему тяжелую сетку с покупками.

Чертов каратюга, он даже не пошелохнулся. Она оставила сетку на тротуаре и, не оборачиваясь, пошла к автобусной остановке.

— Прячься, побьет, я старый, он сильный. — Великий оттолкнул ее в угол комнаты и демонстративно прикрыл собой, когда дрожащий, как струна от бешенства, с характерной страшноватой улыбкой на губах и совершенно черными пустыми глазами Боец, наконец, вернулся.

Он не решился оставить продукты.

Двор дома местного знахаря, скорее похожий на Ноев ковчег, где нашли себе пристанище каждой твари по паре, благостный и ленивый, как все на юге в середине дня. Резкий холодящий душу вопль, летящее, как из лука выпущенное тело. Бедный, ни в чем не повинный, старый забор, он мог еще долго давать тень прохожим.

Свет ровный и сильный, так похожий на сияние глаз Великого. Или наоборот было бы правильнее? Свет не здешний возник в пространстве, казалось, ниоткуда. Он мгновенно раскрылся, как цветок, и черная убийственная волна растворилась в нем без остатка.

Боец так много и часто играл в смерть, что когда подпустил ее слишком близко, она сразу узнала его и уже не отпустила.

Тень Великого Мастера метался по квартире, стараясь спасти ситуацию. Правда, метания в его исполнении скорее были похожи на плавное перетекание ртути. Незнакомая женщина вздохнула и рыдала в углу дивана, как рыдают при последнем прощании.

— Помогай! Ох, уж эти женщины, пока сами не вляпаются, все равно не поверите. Сколько можно говорить — это мужские игры. Ты же сама женщина, скажи на милость, вас, что уже ни что другое не возбуждает.

Тень был прекрасный Воин, и был готов при необходимости хранить и защищать, но принять в товарищи?

— Отойди от автобуса, пожалуйста, я на самолет опоздаю, мне нельзя не лететь.

Она с трудом процарапала окошечко в замерзшем стекле автобуса и умоляюще смотрела на этого невзрачного, какого-то кособокого, в смешной шапке с покрасневшим на морозе не раз перебитым носом человека, который в действительности был великолепным Воином, а сейчас с удовольствием подростка, из симпатии, таскающего девчонку за косички, играл с пространством.

И автобус стоял. Стоял в нарушение всех правил и графиков, пассажиры подпрыгивали на местах, самые нетерпеливые выбегали к диспетчеру в поисках водителя.

— Не проверяй, я все равно не останусь. Мое время в этом городе кончилось.

— Какие мы праведные!

Словно ветер пробежал по салону. Ничего не понимающий водитель, что-то бормоча про неисправные часы и внезапно расстроившийся желудок, влетел в автобус, клянясь всеми святыми, что наверстает график. На тротуаре никого не было.

— **Да, что же это такое?**

— **Мужчины. Даже лучшие из них с трудом преодолевают свои три убогие, заложенные биологией и социумом программы в отношении женщин: или дари наслаждение, или рожай детей, а если не делаешь ни того, ни другого, то помой, хотя бы посуду, вытри пыль, в конце, концов.**

— Мне всегда были интересны, те места, где человек избегает ясности.

Беседа у костра, как всегда затянулась. Ночь подступила к самому кругу, освещенному неровными всплесками пламени и искр, треск дров, плеск рыбы в королевском пруду, неясные звуки ночи и тяжелые свинцовые, волнистые как смятая пуховая перина облака создавали иллюзию странной защищенности, закрытости ситуации, как будто, сидящие у костра находились в каком-то необыкновенном доме, созданном гением компьютерного дизайна.

— Мне всегда хотелось понять, почему же именно в этом месте люди так избегают ясности.

Он обвел всех пристальным взглядом, и каждый ощутил себя как пойманный с поличным преступник. И засуетились, и понадевали безразличные лица, и состроили виноватые физиономии. И самые дерзкие попытались изобразить, что уж к ним-то это никакого отношения не имеет.

— Отношения — это очень важно, очень значимо, собственно говоря, внешняя жизнь человека в основном из этого и состоит. А люди избегают ясности, и конкретности восприятия своего пространства отношений, извините, как черт ладана. Чего они так боятся? Почему на это жалко потратить время и некоторое количество умственных усилий?

Есть такие области человеческой жизни, которые человек сознательно мистифицирует. Ему нравится, чтобы это было мистифицировано, иррационально, непознаваемо, необъяснимо. И даже европейский человек, какими мы тут все более или менее являемся, который хочет все понимать, как только речь идет об отношениях, уже никакого понимания не хочет.

— Ты отбираешь у людей сказку.

— Ты это о чем?

— Ну, как же. Отношения — это сказка, злая, добрая, со счастливым концом обязательно, а если он пока не случился, то это злые колдуны, баба Яга, Кощей Бессмертный виноваты.

— Ну, ну, тебя на роль заступницы народной потянуло? На заре ты их всех не буди? Эта роль в мистерии уже занята.

Почему же человек так мистифицирует свои собственные отношения, почему он не хочет осознать, разобраться, почему он предпочитает мучиться, жаловаться, быть неудовлетворенным, запутываться в отношениях, ходить по кругу?

Сколько слов придумано для описания плохих отношений. О хороших-то, чего говорить?

Одни так несчастливы, другие так несчастливы, третьи еще как-то несчастливы, все отношения ужасно запутаны, в них очень трудно

разобраться, трудно их начать, а еще труднее с ними закончить.

— А выход есть, мастер?

— Есть. Целых два. Первый — рациональный. Классифицировать все отношения по принципу, который вам больше нравится, ближе — дальше, или по принципу долгие — короткие, более значимые — менее значимые. Сделать такой смотр: где тут у меня кто? А почему у меня тут это? А это у меня тут зачем? Где лгу? Где не лгу. Ну, собственно, кто из вас хоть иногда не наводит порядок в своем хозяйстве. А отношения это ваше хозяйство и есть.

Я понимаю, что многие со мной не согласятся, наверное, но понять что-то про отношения свои и других, без признания, осознания того, что большая, подавляющая часть, отношений, основана на взаимном приспособлении и это не есть ложь и притворство, это есть уважение и не прикрываемая ничем заинтересованность в этих отношениях, Когда не нужно подводить базис, который внешним образом объяснил бы ваше желание вступить в отношения с теми или иными людьми, когда вы просто говорите: я хочу, я в этом заинтересован, а поскольку я заинтересован, то я делаю усилия для того, чтобы это произошло. Усилия же в отношениях — это усилия поиска взаимно приемлемого стиля этих отношений.

И получается, что искренние отношения — это такие отношения, заинтересованность в который человек не скрывает. Все остальные варианты — не искренние.

Таков второй путь к внятности отношений.

Взгляд Богородицы из-под тяжелого оклада был неожиданно суров. Она все вслушивалась, и вслушивалась в нее, пытаясь увидеть, что привело иконописца к такому решению, убрать из канонического образа матери Спасителя все тепло и сочувствие и оставить только непреклонную суровость и укор людям, не оправдавшим своими жизнями терновый венец ее сына.

— Пойдемте.

Легкое касание чьей-то руки отвлекло ее. Он удалялся, даже не обернувшись. Ряса на нем была самая простая, да и потрепанная. Статная фигура, уже слегка грузноватая, развернутые плечи, почти

чеканный шаг. Он двигался к выходу из храма, уверенно проходя через толпу прихожан, которых было не мало не смотря на ранний час в эту первую пятницу страстной недели.

Когда она, наконец, добралась до выхода, он уже сидел на лавочке под огромной цветущей липой, откуда открывался неземной красоты вид на великую реку, лесистые горы на другом берегу и знаменитый простор, столько раз воспетый художниками и поэтами, который из-за многократно тиражируемых дешевых копий и репродукций, мог бы показаться банальным, если бы не был подлинным. Монастырь стоял над самым обрывом, как страж и маяк.

— Что вас так удивило? Он заговорил, как будто они были давно знакомы, без пауз и предисловий.

— Не слишком ли она сурова?

— Не слишком ли вы веселы?

— Радость еще ни чему не навредила, а в пользу страха я не верю давно.

— Даже в страх Божий?

— Вы предлагаете бояться Его, как милиционера на углу?

Я не сильна в богословии, но чувствую и вижу, не страх он заповедал, а любовь. А боящийся, как известно, в любви не совершенен. И мне, кажется, я даже знаю почему.

Он поднял на нее удивленный взгляд. Но что-то сомкнулось в ней и сложилось в одно мгновение. Все, что копилось годами, о чем думалось, плакалось и печалилось. Чаша, предназначенная в ней для огорчений и печалей, вдруг переполнилась, перелилась через край и... опустошилась.

Она ответила на его взгляд в неколебимой уверенности своего видения.

Полковник ВДВ в отставке, а ныне черный монах отец Василий закончил свой рассказ о мирском пути и замолчал. Она смотрела на него с пониманием, но без сочувствия.

Ее старый знакомый, греческий монах из Храма Гроба Господня, что в Священном граде Иерусалиме, встал перед ее внутренним

взором. Его сияющие не преходящей радостью глаза были полны доброжелательства и сострадания.

Судьба, как крест. Судьба, как дар.

— Осторожно! Не суди, не сравнивай.

Путь каждого из них определен, и они имели мужество, каждый по-своему принять его.

Самолет бежал по взлетной полосе. Между деревьями вдали мелькнула полоска реки, купола и кресты монастыря и ей даже показалось, что она слышит колокольный звон.

Она улетала из этого города, но впервые в жизни никуда не возвращалась, а просто летела дальше.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Вы знаете, что такое Традиция, живущая на базаре? А ашрам в центре огромного города, оправленный в форму интеллигентного общедоступного клуба?

Так вот, Мастер такой Традиции именно в таком ашраме, в самом богемном районе города, в котором, чтобы не говорили, а главной улицей служит река, и внешний ритм жизни большинства горожан завязан на расписание развода мостов, беседует при не малом стечении народа на ему, и как выясняется не только ему интересные темы.

Еще на улице, у дверей, она заметила того, кто всегда был рядом с Мастером. Доброжелательная располагающая улыбка, холодный взгляд. Узнал, не узнал? Этот человек при любом пересечении не оставлял ее равнодушной. Она знала, что в этой ситуации ему поручена роль хозяина и его новый внешний статус, несомненно, должен был отразиться на его привычной манере поведения. Пока она успела об этом подумать, он растворился в толпе посетителей клуба, так, как растворялся в любой толпе, где только ей не доводилось его видеть.

— А популярность-то субботних бесед растет.

— Когда в них участвует Мастер, то уж точно.

— Ну, не скажи, даже когда ведущие сами без приглашенных гостей беседуют тоже приходит не мало народу.

— А, собственно, за что боролись?

— Я только одного боюсь, как бы это все в просто очередной клуб не превратилось.

— Да уж, рискованный человек ваш Мастер. Ашрам на базаре — это что-то новенькое.

Легкое волнение в толпе, мощная волна в пространстве, обычная суета у дверей. Приехал.

Ведущими оказались двое из «леопардов». Какая неожиданная и блестящая практика!

— В духовных текстах, которые мне встречались, говорится об Актерах с большой буквы, вы говорите об Игроках. Игра, игрок. А вот,

чтобы говорилось о режиссерах, никогда не доводилось встречать. Что за человек такой — режиссер?

— Ты справедливо подметил — в текстах это действительно не встречается.

Что такое режиссер? Режиссер в определенном смысле Демиург, он создает на основе текстов, из людей, из декораций замкнутый художественный мир со своим законом, хронотопом. Он создает целый мир, куда включено много людей, которых мы не видим на сцене: осветители, костюмеры, операторы, т.е. человек, который на основе текста создает абсолютно реальную вещь, реальные события.

— Но это социальная профессия. Это театр. А можно ли эту профессиональную позицию перенести на жизнь?

— Давайте попробуем. Попробуем перенести проекцию на жизнь на основе какого-нибудь текста, допустим называемого Традицией. Если человек претендует на роль режиссера, то он должен на основе этого текста создать некое действие, что естественно чревато манией величия и претензией на роль Демиурга.

У режиссера на театре всегда есть текст. Вот и получается, в самом широком понимании режиссер — это человек, который на основе текста создает реальность. И он может это сделать, потому что владеет профессией.

Необычность ситуации возводила игру на совсем новый и неожиданный уровень. Ситуация была столь очевидно многослойна, столь многопланова, что ей пришлось вспомнить все, чему учили с тем, чтобы извлечь из нее максимум. Открытый социум вносил свои нюансы и оттенки. В пространстве, сталкивались, сплетались, иногда полностью смешиваясь, а иногда, совершенно не соприкасаясь, разные уровни восприятия, внимания и видения ситуации. Здесь одновременно слушали Мастера, беседовали с профессором, общались с режиссером. Здесь удовлетворяли любопытство, вооружались информацией, увеличивали уровень понимания, медитировали и учились.

— *Какая игра! Какие возможности!*

— *Не отвлекайся!*

— *Да, да. Соединяя, не смешивай...*

Вот именно, разделяя, не разрывай.

— Недавно в Интернете был вопрос к Мастеру. Что делает Мастер? Учитель учит, водитель ведет, а что делает Мастер?

— Мастер? А вот это и делает — ситуацию. В общепринятом контексте, Мастер это тот, кто создает ситуацию, тот, кто не пытается управлять людьми, влиять на них, властвовать, обучать. Он делает это через ситуации, и сам, в идеале, является ситуацией.

— А что такое ситуация?

— Ситуация это прежде всего событие, если воспользоваться профессиональной режиссерской терминологией. Цепь событий и составляет сюжет. Задача — так построить эту цепь, чтобы было убедительно, заразительно, выразительно и вовлекало.

Присутствующих явно задело за живое, от их включенной заинтересованности возникло ощущение, что в зале стало на много больше людей. Вопросы посыпались, как из рога изобилия.

— А события, ситуации, откуда они берутся, если мы говорим о жизни? Что или кто решает, что именно такие ситуации нужны именно для этого человека, чтобы с ним что-то произошло?

Как это происходит?

Где автор?

Где сценарий?

— Традиция это и есть сценарий. Тот текст, которым я пользуюсь в качестве источника для постановок. Сценарист неизвестен, согласно этому же тексту. Человек только предполагает, а располагает к счастью не он. Мы говорим, что сценарист это Реальность.

С точки зрения нашей Традиции существует такое постоянное действие как Мистерия. И в этой Мистерии и роли распределяются, и события происходят. Мы можем только гипотетически предполагать, кто или что является Автором этой Мистерии, т.е. поверх жизни, житейских историй существует еще Мистериальная история.

Спектакль шел к концу.

— Где это видано, «Гамлет» с четырьмя актерами?

— О чем может быть эта пьеса?

— Что они могут сделать вчетвером?

В черном пространстве, общем для сцены и зала четыре актера, четыре героя, живущие в мире, который создал режиссер, используя как текст великую пьесу, загадочного англичанина, отвечали на один из главных вопросов, который только может задать себе человек: Почему же мы не в Витенберге? Почему мы не там, где хотим быть больше всего на свете? И почему мы не такие, какими хотим и можем быть? И, растревожив душу, свою и зрителей уходили они один, за одним из этого мира, оставляя каждому шанс обрести свой ответ.

Четверо юродивых истово молились, обратясь в зал, где благополучные и любопытствующие, сидели зрители.

— Достоевский? На четверых?

— Такая громадина, такой роман? О чем это они?

— Как ему в голову пришло?

Да, что они душу-то травят, нам, что в жизни забот не хватает?

Забот-то хватает. А души?

— Ваш театр — это же не развлечение. Вы заставляете зрителей страдать и мучиться. Это уже не искусство. Чего вы хотите от зрителей?

— Ничего. Я их бужу.

— Кто Вас просил!

Первый же звук взорвал тишину и покой огромного знаменитого на весь мир Собора, как крик о помощи, как вопль роженицы, как смертный стон. Зал встрепенулся, растерянный и удивленный, непонимающий, но души их уже услышали и отозвались, и раскрылись навстречу. И каждый знал, что музыка необыкновенная, не похожая ни на что, чтобы даже самому искушенному меломану доводилось слышать, музыка, которая рождалась в эти мгновения — это не только талант и душа музыкантов, но и душа каждого из них. И нежные переливы, и суровые аккорды, и хитросплетение звуков, чувств, мелодий и переживаний — это все, и одиночество, и чудо

рождения, и чудо совместного бытия, по которому так страдает душа.

— Ваше творчество не может быть признанно, как самостоятельное искусство.

— Это эксплуатация зрителя.

— У вас такой талант, почему вы не хотите использовать его традиционно?

— Классно, ребята! Но это не наш формат.

— Вы что, хотите вдвоем мир переделать?

Маэстро был бесконечно знаменит и так свободен, как только может быть свободен абсолютно довольный своей жизнью и судьбой человек. Он был весел, доступен и откровенен.

— Это здорово. Это талантливо, смело и ни на что не похоже. Поверьте мне, вами будут восхищаться. — Глаза мудреца хитро блеснули. — Или над вами будут потешаться. Это уж как сложится.

Звон бубенцов рассыпался в пространстве и растворился.

— Вот вы говорите, чтобы увидеть ситуацию нужно стать в позицию режиссера, а как видит режиссер?

— Читает поведение.

Он принял решение умереть. И умирал. Он принял его сам, бесповоротно и окончательно, не приняв во внимание слезы родителей, мольбы жены и увещевания друзей. Болезнь, вполне подвластная современной медицине, казалось, на какое-то время даже отступила, растерянная, из-за отсутствия ожидаемого сопротивления. Но быстро освоилась с ситуацией и с каждым часом все смелее вступала в свои права. А он пытался жить, как не в чем не бывало, игнорируя не только ее, но и тут, вечную, которая сама не приближаясь, маячила чуть в стороне, спокойно дожидаясь, увы, уже не далекого часа.

— Нельзя же так бояться жизни, чтобы предпочесть смерть.

Она волновалась, разговаривая с ним, потому что не могла не признать, что бессмертная искорка надежды, что еще не поздно и есть хоть какой-то шанс, что он передумает, и все еще кончится

хорошо, как в страшной сказке со счастливым концом, жила в ней. Они беседовали уже давно. Мастер привез его к ней в гости, по его просьбе, и она всматривалась и вслушивалась в этого спокойного, еще недавно столь благополучного и успешного молодого человека, чье непоколебимое и неординарное решение вызывало уважение, но не в коей мере не понимание и сочувствие.

— Я принял это решение, потому что не уверен в искусстве врачей, и в своей способности остаться осознанным на операционном столе. Я не хочу уйти во сне.

— Но как же ты, верующий, воспитанный в вере человек, берешь на себя смелость распорядиться тем, что дано тебе, не сделав усилия постичь смысл и цель этого дара?

— Почему ты так уверена? А может я просто брак небесной канцелярии?

Чуть приоткрывшиеся засовы и ворота на душе его грохнули, опять закрывая все двери и подходы. Его защита была блестяще организована и глубоко продуманна. Тишина повисла в комнате. Тишина прощания, в которой пропасть разделявшая их стала вдруг так явственна и не преодолима, что больше уже не возможно было вымолвить ни слова.

— Ты просто побудь с ним. Для него, для себя.

— Но ведь мы обязаны помогать в случае смертельной опасности, даже если не просят.

— А мы и помогаем.

— Мы помогаем ему умереть?!

— Мы помогаем ему жить, пока он жив.

— Там в коридоре стоит сумка, все, что в ней для тебя. Потом...

По всей видимости, она не сумела прочесть его поведение тогда, да и сейчас не была уверена, что поняла этот текст до конца.

У нее не нашлось ни одного мотива, который пояснил бы его выбор. А все, про которые она за это время узнала, так до конца и не смогли ей ничего открыть.

— Он уходит! Уходит!!! Мы не знаем, что делать!

Пауза и слабый, еле слышный, но не потерявший властности голос зашелестел в телефонной трубке.

— Я понял. Мне кажется, что я все понял. Не расстраивайся, я же обещал, что не уйду, пока не пойму.

— Зачем ты это сделал?

— Сама же говорила — дурак... был. Долгая пауза, слабый треск в телефонной трубке... Смертельный ужас, что она больше никогда не услышит этот голос подвиг ее на то, что всегда казалось заманчивым, но не возможным. Она увидела себя в небольшой комнате в далекой стране, где среди перепуганных друзей и учеников полулежал на постели тот, кого уже нельзя было назвать Баринном. Измученное болезнью и болью тело было неузнаваемым, но глаза... Это не были глаза умирающего человека. Это был полный смысла и мудрости взгляд. Она была уверена, что он чувствует ее присутствие, но не показывает вида, чтобы не испугать еще больше и так совершенно растерянных людей. Она тихо села у его постели. И молча смотрела на него. Его живая, сильная душа покидала измученное тело, и не было в ней страха.

— Ну, что стоите, давайте работать, — прошелестел он едва слышно.

Рука на одеяле вздрогнула. — До встречи, шепнула ей его душа. — До встречи.

Она сидела в машине на самом берегу блеклого, холодного, какого-то разом помертвевшего залива, там, где застал ее звонок. Не нужный телефон что-то пищал, но все это уже не имело значения.

— Эй, ты как? — Неожиданное появление в пространстве Гри вывело ее из полного оцепенения. — Ты так вопила, что пространство шаталось.

— Барин уходил.

— Мы же знали и были готовы.

— Вы, может быть, и были, а мне все равно страшно стало. Гри улыбнулся ей как маленькой и исчез.

— Ты слышишь, Барин ушел.

— Слышу. Не грусти. Он все успел.

А в это время на самой середине озера в лодке сидел уже не первый час молчаливый и сосредоточенный рыбак. И не смотря на то, что время от времени он вытаскивал из воды поправшую на крючок рыбу, внимательному наблюдателю, случись он здесь в этот ранний предрассветный час, могло показаться, что в лодке сидит и ловит рыбу тело, оставленное хозяином отдохнуть на свежем воздухе. Абсолютная тишина и абсолютный покой разливались над озером, как будто генерируемые этим телом, а может быть и самим Хозяином.

Рыба между тем ловилась. Крупная, мелкая. Он был рад каждой, и, наверное, поэтому озеро не обижало его, и он никогда не возвращался с пустыми руками. Ни тогда, когда от его рыбалки зависело, будет ли у домашних еда, ни тогда, когда улов был уже не едой, а роскошеством, изыском, экзотическим удовольствием на фоне благополучия и достатка.

Менялись озера, рассветное солнце сменялось закатным, свежая яркая весенняя листва, роскошью осеннего золота, менялись снасти, лодки, а он все продолжал, как все рыбаки, ожидая самую большую рыбу и искренне радуясь даже самой маленькой.

И пока в лодке на середине озера сидит этот рыбак, людям всегда будет, куда прийти.

— Ваш Мастер очень рискует. Публичные лекции, книги большими тиражами, личная доступность. Демократия в таком тонком деле, как эзотерические знания — это рискованно, как для знаний, так и для людей. Знания профанируются. Люди развращаются доступностью, того, что должно быть добыто серьезными усилиями. Такие знания — это удел достойнейших.

Библиотекарь был уважаем, элегантен и интеллигентно высокомерен.

Необыкновенное совпадение множества событий привело ее в компании со Сказочницей в это модное кафе на встречу с ним. Сказочница просто прихватила ее с собой, как прихватывают зонтик

или ридикюль, «случайно» встретив на улице, когда она уже практически оставила попытки найти ее в лабиринте улочек старого города.

Разнеженный жарой, за окном, как в мираже, виднелся центр города, уставшие от непривычной духоты улицы, люди, дома и машины лениво передвигались, замирая при первой же возможности, прячась в тени или прохладе надрывающихся от непосильно работы кондиционеров.

— О чем вы говорите, какие достойнейшие, кто выбирать будет, кому это позволено?

Она наблюдала за виртуозной игрой Сказочницы, которая вот уже скоро час, как изображала то почтительное внимание, то милую глупость очаровательной женщины.

— Мы же на базаре живем. Нам бы выгодно купить, удачно продать, нам жить нравится, а что за жизнь без людей?

Что-то в ней вдруг неуловимо изменилось, внутри щебечущего голоса явственно почувствовалась звенящая металлическая нота.

Есть вещи для нас непреложные — каждый человек от Бога. И к каждому должно относиться так, как будто он и есть тот самый достойнейший и избранный. И при всем уважении, это черта, которую я не могу и не хочу перешагнуть.

Она чуть не прозевала эту «битву титанов».

Густой голубоватый туман стал заполнять пространство, лишая сознание четкости восприятия и способности к внятному выражению. Еще чуть— чуть и он окутает все вокруг, но легкий ветерок, искрящийся и прозрачный, подул, будто со всех сторон сразу, и вот уже только редкие клочья остались от опасного облака. На смену туману, взявшееся неизвестно откуда, стало опускаться на них нечто похожее на плотное ватное одеяло, неся угрозу и напряжение, и опять ветер, теперь уже куда более сильный, с крупинками льда закурился в вихрь, унося беду.

Сказочница, уже не прячась, прямо и жестко, смотрела на Библиотекаря, который выглядел неожиданно постаревшим, уставшим и растерянным. Ее глаза, обычно цвета еще не зрелого крыжовника, что само по себе достаточно необычно неожиданно оказались цвета льда и были также, как лед, холодны.

— Боже, я опять, как всегда выпала из времени! Нет меня точно, когда-нибудь уже окончательно не простят.

Делая все одновременно, — прощаясь, собирая свои постоянные, изящные пакеты и пакетики, роясь в сумочке в поисках ключей от машины, отвечая на внезапно посыпавшиеся один за другим звонки, она мгновенно превратилась опять в то, что все так привыкли видеть и чем бесконечно восхищались — в гремучую смесь дурдома и фейерверка.

Женщины, изображенные на картине, взирали на толпу, собравшуюся на вернисаж со спокойной уверенностью богинь, которыми собственно и являлись. Посвященные жрицы, по какой-то только им одним известной причине, вышедшие к людям, смущая и одновременно притягивая их своим видом, своими взглядами, своей открытостью и абсолютной недостижимостью.

— Я сама читала в журнале. Он был допущен в тайный женский монастырь в Египте.

— Не в Египте, а в Азии. И не в монастырь, а в эзотерическую женскую школу.

— Да это просто рекламный трюк.

— Трюк или не трюк, а смотреть на них страшно. Они как живые.

— Не хотел бы я встретиться с этими живыми.

— Ну, это ты зря.

Кокетливый смех, мрачноватый хохот, издевательское хихикание, слились в разнообразную переливающуюся волну. Посвященные, живые, присутствовавшие в зале, и запечатленные на картине, веселились, как девчонки первоклассницы, играя мужским смятением, гордыней, изредка вспыхивающей агрессией и более или менее удачно скрываемым вожделением.

— Вы, должно быть, не раз слышали: мужчины боятся женщин, женщины — себя.

— Эти, похоже, уже не боятся.

— Представляешь, до чего их бояться мужчины.

— Судьба твоей картины, она, что совсем тебя не интересует?

Когда вернисаж необыкновенной картины, по всей вероятности первого и единственного в мире свидетельства женского эзотерического мира, неожиданно закончился ее покупкой за не малые деньги, человеком не только пожелавшим остаться не известным, но и предупредившим, что теперь ее долго никто не увидит, это казалось изящной интригой. Но последнее время картина все чаще всплывала в памяти, и ей стало казаться, что она ни как не может принять какое-то очень важное сообщение, которое исходит от нее.

Она уже не первый раз пыталась, что-нибудь узнать, но ответом ей каждый раз был взгляд не менее загадочный и не объяснимый, чем ее тревога.

Они первый раз в жизни сидели за столом вместе. Их встреча, как только что выяснилось, была неожиданностью для всех. Каждая из них приехала в это место по своему поводу и по своим собственным делам. Конечно, ни одна не сомневалась, в том, кто создал эту ситуацию и, как истинные ученицы, они были уверены, что для такой экстраординарной ситуации был какой-то достаточно значимый повод.

Но какой?

Все ее попытки связаться с Мастером кончались ничем. И тут, перестав, наконец, заниматься только своими переживаниями, она ясно увидела, что тоже самое происходит и с остальными. Одинаковая растерянность на лицах, проступившая через всю их выучку, в конце концов, обнаружилась, и они увидели это, и доверились ситуации, и расслабились и веселый, довольный, чуть ироничный смех, который услышала каждая, захватил их и заполнил. И сблизил.

— Так это все-таки ты и есть?

— Я была уверена, что ты давно догадалась.

— Ну, догадаться — это не знать.

— Ты так уверенно вела себя, что я сама уже начала сомневаться, знакомы ли мы.

— А разве мы знакомы?

Огонь главного храмового костра догорал, покрываясь темным пеплом и багровея. Последний танец прощального ритуала был окончен. Разгоряченные тела замерли, как бездыханные, только струящийся пот и хриплое дыхание выдавало в них присутствие жизни.

— И так будет всегда. Не родитесь, пока не умрете. Не будет нового, пока не закончится старое. Не взойдет солнце, пока не наступит ночь.

Так в первый и последний раз в жизни услышали они голос Верховного жреца.

Было еще достаточно светло. Огонь в костре казался совершенно прозрачным, таким же прозрачным, как белесоватое небо, в июле этого странного лета, которое так до сих пор и не наступило, огорчая любителей тепла и сельских жителей холодной прозрачностью воздуха, больше подходящего для ранней осени и ей же свойственным обилием затяжных нудных дождей. Все это смешивалось с буйным разнотравьем и полянами красными от земляники, которая выросла в этих совершенно не подходящих условиях в количествах необъяснимых ничем.

— И поэтому я всегда с содроганием смотрю на женщин, рвущихся на духовный путь. Согласно общепринятым социальным нормам, женщина — существо слабое, трепетное, должна высыпаться, должна хорошо выглядеть, должна то, должна се. Когда взяла в долг не знает, но все утверждают, что должна. А становится на путь, который со стороны иначе, чем самоистязанием и не назовешь.

Он говорил, как будто вокруг него были одни женщины. Объяснение в любви для одних и урок для других. И свидетельство божеского равнодушия для каждого, кто в состоянии увидеть.

— Ты беспощаден.

— Я говорю на своем языке.

— А что делать тем, кто его не понимает? Что за текст прочтут они?

И это создает в ней внутренний конфликт между социальным давлением по поводу того, как ей жить, и необходимостью этого самоистязания, без которого никак. Поэтому, женщины, вы не обижайтесь. Вы очень часто обижаетесь. Это ваше любимое занятие. Вас так научили — вы должны обижаться на мужчин, потому что мужчины — скоты, и вообще они за ваш счет существуют.

Для того, чтобы женщине нормально себя чувствовать на пути, надо очень, и очень подумать и решить очень твердо, в противном случае это будет ни то, ни се, ни два, ни полтора. Мужик, он что — упражнялся, упражнялся, плюнул и ушел. У него все проходит бесследно. А женщина плюнет, уйдет, а следы-то унесет с собой. Женщина — такой записывающий агрегат, она все в себе записывает. У нее базовое биологическое устройство на запись настроено.

— Почему они так огорчены? Ведь это огромный подарок, то, что ты сейчас открыл.

— Подарок? А ты еще и наивна. Да я сейчас разрушил у них кучу иллюзий, я понижаю их самооценку. А ты говоришь, огорчены.

— Они думают, что они на пути?

— Они что делают?

Он продолжал. Его голос заботливого отца обвалакивал и утешал, осушая их готовые пролиться слезы. А особенно громкое щелканье клювов аистов казалось издевательскими аплодисментами. Большинство мужчин, так ничего и не поняв в мастерском кунг-фу

сочувственно-горделиво посматривали на женщин все больше увязая в иллюзии своего беспомощного превосходства.

— Программа внешней обусловленности у женщин гораздо более подробно расписана, чем у мужчин. У мужиков все просто: чуть красивее, чем обезьяна, — уже хорошо, мужик без профессии — дерьмо, хочешь, чтоб все обезьянки были твои — становись главным обезьяном. Простые правила. А у женщин много, подробно и запутано, их внешняя обусловленность сплетена из тонких шелковых нитей, но что крепче? А уж самомнение раздуто до посинения, потому что в качестве компенсации вам дарован обществом — образ социальной страдальцы, ущемленной в своих правах.

Поэтому если вы не хотите надрыва с последующими разочарованиями, жалобами и рассказами о том, как все на самом деле было, как вас использовали и обманули, то тогда нужно четко для себя определиться и понять — любой путь в любой традиции — это истязание, истязание привычного себя. Это и для мужчин, и для женщин.

— Ну, вот я их и пожалел.

Поэтому, дорогие мои любимые женщины, я всегда вам сочувствовал, но именно потому, что хочется вам помочь, а не хочется вас обманывать. И так многие на вас зарабатывают. Вы должны понять, что не женское это дело. В обычном понимании того, что такое женщина. Не женское это дело. Воин духа пола не имеет.

Но готовы ли вы? Видите ли вы? Есть ли вы? Понимаете ли вы, что это такое — самоистязание. Я специально беру такое красивое длинное слово. Это же очень просто: это и есть тайна, как ни странно, хотя о ней все знают. Но помнить об этом в нужный момент, когда очень хочется спать, а самое время не поспать. Когда очень хочется есть, а самое время поголодать. Когда очень чего-то хочется вашему автоматическому инструментальному, — вот самое время сделать сознательное усилие. Опять это извечное — помнить и быть внимательным! А еще делать это нужно научиться так, чтобы никому, кроме очень внимательного и заинтересованного наблюдателя и в голову не пришло, что это не просто прихоть или каприз.

Простенькие должны быть объяснения базарные, чтобы нечем было торговать.

— Почему ты так беспощаден с мужчинами?

— Ты, что никогда не слышала?

— Я, извини, столько всего слышала...

— Ну, да. Память-то девичья...

— Виновата, Мастер.

— Вся проблема в одном — девочка родилась, созрела, и уже женщина, по факту. Вот и есть с кем разговаривать. А когда станет человек, родившийся мальчиком, мужчиной, и станет ли им вообще — это, еще бабушка надвое сказала. Вот и вся тайна особенностей мужского обучения.

— И?

Или.

Милые женщины, если уж вам так не терпится, вам хочется чего-то эдакого, вы сначала поиграйте. Поиграйте, укрепитесь в этой игре, расцветите пышным цветом, почувствуйте кайф, удовольствие. А потом уже решайте, переходить ли от игры к реальному пути, самоистязанию, или нет. Это знание тоже получено ценой судеб многих женщин, которые десятки лет путались между игрой в путь и самим путем. А натура брала свое. Понимаете, вот такое сложное это дело. И хорошая игра в духовность, она также необходима Традиции, реальности, людям.

Тех, которые всерьез проходят путь, всегда было мало, и всегда будет мало. Их никогда не будет много. Не потому что кто-то против или может разрешить –запретить. А потому что мистерия не позволит: не нужно много.

Голос жрицы замер за мгновенье до того, как, казалось, что уже больше не переживут и начнут падать замертво или бежать потрясенные слушатели у подножья Храма..

Решительный миг наступил. Проклятье или восхищение? Жизнь или смерть?

Зал был полон и рукоплескал. Гора цветов у ног певицы росла не прекращаясь. Участники концерта, актеры, музыканты, танцоры, уже давно откланявшись, отступили в глубину сцены. Птица-певчая стояла одна на краю сцены, не имея сил поклониться публике и уйти. Она стояла одна на этой огромной сцене перед восторженной публикой, не оставлявшей надежды на продолжение.

— Очень талантливая идея, но сделать это совершенно не возможно.

— Публика любит простые и понятные вещи.

— Если ваша идея не окупится, вы рискуете всем.

Аплодисменты стихли, но никто не уходил и не садился. Она смотрела в зал, как смотрят в бездну и, оправдывая слова великого философа, которому так не повезло с последователями, зал, как бездна смотрел и смотрел на нее.

Резкий никогда не слышанный крик разнесся над готовой судить и казнить толпой. Они замерли, как пригвожденные с уже поднятым для смертельного удара оружием.

Крик бабочки. Последнее оружие, последний шанс. Решительный миг наступил. Свет или тьма. Жизнь или смерть?

Сверкающие стеклянные шарики катились по белому шелку, устилавшему стол, вспыхивая в свете прожекторов, подобно искрам костра. Они входили в Игру, как люди входят в жизнь — не ведая цели, не зная пути, сталкиваясь друг с другом и разбегаясь навсегда в разные стороны или на долго замирая рядом, пока твердая и безжалостная рука Игрока не отправляла их дальше, в неизвестность.

Завораживающий голос Сказочницы рождал в каждом образы, неотличимые от яви, и они будили живую душу, и раскрывали смысл и давали надежду или освещали путь. Не узнавая себя, люди начинали говорить стихами, петь, и «видеть» друг друга. Голос замирал, они не решались встать и уйти, страшась потерять только что обретенное.

— Надо признать, что это какая-то странная деятельность.

— Очаровательное развлечение, благодарю, что пригласили. Так трудно найти что-нибудь необычное в наше время.

Примите мои восхищения. Я не пожалел ни об истраченных деньгах, ни об истраченном времени.

Те, кто имели смелость или не осторожность, уходя обернуться на игровой стол, могли увидеть, как шарики продолжали передвигаться и перекатываться по белому шелку.

Игра продолжалась.

Костер догорал. Она сидела над ним, казалось, целую вечность. Шаги приближались, сейчас они войдут. Ее виденье и их уменье. Свершилось? Решительный миг наступил. Слава или позор? Жизнь или смерть?

Довериться вашему неаргументированному интуитивному виденью — это все равно, что огромное дело поставить в зависимость от гадалки. Вы пользуетесь отсутствием у нас достаточной информации и безвыходностью нашего положения. Вы понимаете, что на вас ляжет вся ответственность в случае неудачи, и тогда уже никто не примет во внимание, то, что вы женщина. Это мужские игры и правила для всех одни.

Заседание, длившееся уже несколько дней, закончилось.

Игра продолжалась.

Дверь отворилась и к своему удивлению они увидели троих из «леопардов». Их растерянность была тем больше видна, чем больше они пытались скрыть ее. Наткнувшись на спокойные взгляды молчаливых женщин, которые сами только что прошли через нечто подобное и потому были уже совершенно спокойны, они повели себя каждый согласно отработанной и давно усвоенной роли.

— Какая приятная неожиданность. — Мягкая полуулыбка, короткие нежные с легким чувственным налетом объятия. Ловелас — какая игра, какой образ! .

— Рад, рад. Вынужден признать, что никак не ожидал, но тем более приятно. — Общий поклон, шаг в сторону, как бы заранее уступая поле битвы. Юный отшельник был верен себе до последнего.

— Девушки, кто бы мог подумать, нет, я всегда говорил... но такой сюрприз. Надеюсь у нас все хорошо? — Молодой Лев был как всегда шумен, вольяжен, улыбчив и весь нараспашку. И только те, кто хорошо знал его и был внимателен, мог увидеть и короткий острый взгляд, и внутреннюю собранность.

— *Мы все так давно знакомы, что совершенно не знаем друг друга.*

— *Я всегда хотел спросить, почему ты тогда затормозила у самого финиша? — Я не могла позволить тебе проиграть.*

— *Слушай, а почему же мы все-таки так испугались, ведь сказано было. — Не по словам, а по делам.*

— *Я всегда боялся тебя. — А я думала, что любил. — Хотел полюбить.*

— *Почему ты тогда меня не убила? — Пожалела. — Видишь, как дело то обернулось.*

Молчание ширилось и длилось, вдруг налетавшее напряжение, так же неожиданно растворялось, как и возникало. Здесь все многое умели, и, пользуясь затянувшейся паузой, активизировали все ресурсы.

Только сейчас она обратила внимание, что следом за вновь прибывшими, как всегда практически не заметно, вошли двое храмовников. Одетые со свойственной их профессии строгой элегантностью они замерли у дверей в извечной позе стражей. И не то мечи тихо звякнули, не то звук передернутого затвора послышался, а может это стук алебарды? Она узнала их. Именно они стояли у дверей всех храмов и дворцов, где ей доводилось бывать. На них была другая одежда, и может быть, у них были другие черты лица, но это были все те же стражи.

И пелена спала с ее глаз.

Напуганные, сбившиеся в плотную толпу, почти потерявшие надежду стояли люди в ожидании... И ожидание их сбывалось, и выходили к ним, приносили Весть и Благие слова, и Великую надежду. И радовались они, и вдохновлялись, и делали

шаг, и, исчерпав свои малые силы, опять останавливались, и роптали, и проклинали ведущих, и становились устрашающе и опасны, и зажигали ненавистью и страхом пожары, и сеяли смерть, и пугались ими же сотворенного, и каялись, и напуганные, сбившиеся в плотную толпу, почти потерявшие надежду вновь стояли в ожидании...

А в это время в просторной, светлой мастерской, расположенной в построенном в соответствии с со всеми новейшими технологиями доме из натурального дерева, у огромного окна, через которое открывается вид на зеленые лесистые холмы, а между деревьями серебряной дорогой поблескивает озеро, где, наверняка, продолжает сидеть в ожидании самой желанной рыбы все тот же Вечный рыбак, уже известный нам художник вдохновенно рисует одно за другим человеческие лица.

— Ты помнишь «Портрет Дориана Грея»? Когда я смотрю, как ты это делаешь, я все время вспоминаю этот роман.

Да, я понимаю, только с точностью до наоборот. Художник из романа вынимал душу, а я вкладываю.

Мастерская заполняется людьми. Он подходит к уже законченным работам и поправляет в них нечто, только ему ведомое. Возвращается к незаконченным. Работает то легкой тонкой кистью и нежными касаниями, мечтой каждой женщины и к несомненному удовольствию поклонников старой школы. То широкой кистью и такими уверенными мазками, что невозможно понять, как таким образом возникают тонкие детали и оттенки, делающие эти лица все более живыми.

Реки и озера, моря и горы, земля и небеса, города, страны, картины, скульптуры, музыка и храмы, миры и мироздания возникали и исчезали в пространстве, являя собой хаос творенья и явленность Бытия. И что бы не рождалось, и где бы оно не возникало, меняя лица и обличья за всем этим неизменно

присутствовала, величественная и смешная, страшная и привлекательная, шутовская, божественная и всегда живая, неизменно, неизбывно живая фигура Творца.

Художник.

Артист.

Игрок.

Рыбак.

Мастер. Делатель. Творец.

— И так будет всегда. Не родитесь, пока не умрете. Не взойдет солнце, пока не наступит ночь. Не будет нового, пока не закончится старое. И пока вы живы, вы бессмертны.

— Ты что, действительно не узнала тот голос?

— Теперь узнала.

СПб — Литва.

2001 — 2004

Город Творцов